

Рассказ

Эльдар Ахатов
наш представитель
в Красноярском крае
Про снег

А снег бывает разным. Очень разным. В морозную и сухую погоду посреди тундры он течет точно так же, как текут пески в пустыне. У тундры с пустыней много общего зимой. Снег - холодный и сухой от мороза - напоминает песчинки. Он так же, как песок, режет лицо, когда ветер дует навстречу. Он так же змеится и течет над поверхностью, буквально на глазах переметывая свежую дорожную колею, с лёгкостью растворяя в себе следы человеческие. А стоит появиться препятствию на пути текучего снега, как он образует возле них такие же сугробы, какие песчаные бугры возле преград благодаря бесчисленным летучим песчинкам в далекой жаркой пустыне.

И как струящиеся в пустыне пески невольно рождают в душе ассоциации с песочными часами и вызывают к жизни мысли о бренности всего сущего, так же и текущие по тундре снега пробуждают в нас схожие настроения.

Змеится, струится, свивается и развивается мелкий снег в поземке. Но стихает ветер. Появляется в небе морозное солнце. И снег начинает искриться и кувыркаться в воздухе. Искры снега порхают, играют в воздухе, словно мелкая летняя мошкара. В особо же тихую морозную погоду искорки снега плавают в солнечном воздухе, как в бокале шампанского. Иногда он просто сыплется с чистого неба: идёт слепой снег точно так же, как летом бывает слепой дождь!

А когда начинается пурга, то струи снега вздымаются, неистово кружась, образуя снежные водовороты и смерчи. Белесое холодное пламя метели затмевает всё вокруг. Языки этого снежного пламени, как живые, жадно тянутся к корпусам мчащихся в белесом мареве грузовых автомобилей. Наступает ночь, и в свете фар, словно в сияющих тоннелях среди окружающей темноты, яростно плещутся, кружатся, фонтанируют сверкающие брызги снега.

Если же мороз небольшой, но идет снег, а вокруг темнота, то кажется, что кто-то незримый едва прикасается к щекам, оставляя на них ощущение влажных губ, ощущение поцелуев. Снег становится рыхлым, пушистым, невесомым, нежным. В него проваливаешься, как в сон. Хлопья снега летят из небытия на свет ночных городских фонарей, летят отовсюду, странным нескончаемым белым листопадом. Он падает на наши куртки и шубы и тает, исчезая на глазах, словно и не было ничего.

Но чуть проснется мороз, и павший снег тут же становится плотным и скользким. Теперь из него не вылепить снежка. Он жёсткий, как оплавленное стекло. Под ногами он фактически становится льдом. Это мёртвый снег. С карнизов свешиваются застывшие прозрачные острые пики бывшего снега - сосульки. О такой снег можно и порезаться.

И снова дрожит, бьётся в конвульсиях пурга, разбрасывая над землёй снежные летучие сети. И тянет, и тянет их за собой, будто пытаешься выловить ветер, струющийся, бьющийся в тонких сетях позёмки.

Снег течет по земле всю зиму, словно время в песочных часах. И исчезает однажды, когда наступает весеннее тепло. И возникает снова - в призрачных глубинах осени. Возникает и снова течёт и течёт, как песок, отмеряя уходящее и возвращающееся, ускользающее от нас вечное время.

От редакции

Пришло время, когда наша газета «перевалила» за Урал, и у нас в Сибири появился свой представитель - Эльдар Ахатов. Эльдар говорит, что его судьба, работа, творчество и любовь так сильно переплетены с Сибирью, что он никем иным себя не представляет - только сибиряком. Это утверждение истинно, как говорится, где твоё сердце, с чем связаны твои помыслы, там и ты! С этого номера наше издание начинает знакомить читателей с творчеством сибирских писателей и поэтов и открывает страницу красноярцев сам Эльдар. Он и будет знакомить наших читателей с сибирскими авторами.

Иван Жуковский

Подкидыш

Я был ночью обласкан котёнком.
Для него это шалость, игра.
Я же нежно его, как ребёнка,
Согревал на груди до утра.
С коготками игрушка живая,
С раздраженьем его голосок,
В бороде у меня застревая,
Он искал материнский сосок...

Отчий дом

Постоял у дверей и
не смог позвонить...
Поклонился родимому дому
И почувствовал, как
обрывается нить:
Словно чем-то тупым по живому...
Ни отец и ни мать
не услышат звонка:
Уж давно на горе, на погосте.
В этом доме меня принимают...пока,
но всё реже мне хочется в гости....

Виктор Теплицкий

Я вырван из контекста, что ж —
Кому-то, может быть, потеха,
А кто-то бросит в спину нож
Безудержного злого смеха.
Но я пройду через сердца
Неискушённых в звонком слове,
Оставшись верным до конца
Свириели, плачущей в миноре.
А небеса рассудят пусть
Кто был канавой, кто — тропью...
И всепрошающая грусть
Неслышно шествует со мною.

Татьяна Долгополова

Дождь прошёл - придёт другой.
День прошёл - придёт другой.
Век прошёл - придёт другой.
Человек прошёл - другого
Нет такого.

* * *

Не ходи на войну, не ходи!
Трусом стань! Подлецом! Дезертиром —
Всё равно. Только не наследил
В стенах этого страшного тира.
Не ходи, не ходи на войну,
Не вступай в этот мрак, в эту
скверну,
Даже если тебя не убьют,
Я не верю, что это безвредно.
Не ходи! Тебя каждый поймёт.
Не ходи, и никто не осудит.
Знаешь, если никто не пойдёт,
То войны этой просто не будет!

* * *

Да, может быть, всё не напрасно,
Да, может быть, всё не зазря...
Рябина становится красной,
Увидев лицо октября.
И я, оторваться не смея,
Смотрю на Россию мою —
Краснею, краснею, краснею,
А всё же люблю и люблю.

Артур Матвеев

Когда закатится последняя звезда
И блики на иконах отыграют,
Тогда заглянет ко мне в гости пустота
И приведет к такой границе рая,
Где заблуждения, надежды и мечты
Исчезнут и покроются туманом;
Растает ощущение красоты,
Затянутся полученные раны.
Я засмеюсь, счастливый и слепой,
Простившись со своей земной душою.
И буду у обрыва ждать прибой.
Но только не дождусь в раю прибоя.
Я буду проклинать свои грехи,
Оплакивать минувшие утраты,
Сожгу свои никчемные стихи,
Застынув в ожидании награды.
Столкнусь и я с немою тишиной,
Где буду жить в достатке и блаженстве.
Там будет совершенство и покой.
Но я-то не нуждаюсь в совершенстве...

Kotiranta

МЕДИА
ЭКСПЕРТ

Анатолий Кобзев

Приснились снова яблоки: к слезам.
И выпала мне дальняя дорога
К веселой речке, птичьим голосам
И запахам родимого порога.
Где ждут меня седые старики,
И мой приезд -

для них желанный праздник,

Где песни удивительно легки,
А над стогами ветер — верхолазник.
В кувшинках томно плещется закат,
И память тихо наполняет сердце.
Там осыпает яблоками сад,
Там жжет крапива,

как в далеком детстве...

Я вновь сорвусь

к родительским глазам,

Отбросив все сомненья и вопросы.

И пусть твердят,

что яблоки — к слезам.

Но ведь бывают радостные слезы!

Отзыв

Светлана Тишкина
Украина, г. Луганск

“Провинциальному Интеллекту”

Провинциален ли интеллигент,
Который покоряет континенты?
Столиц, провинций —
равен комплимент:
Большой и малый
в Пи — все конгруэнтны.

Понятен был бы русских слов узор,
В читателе будил добро и совесть,
Любовью грел,
не прятал смелый взор...
Интеллигентности
не чужда доблесть!

Провинциальный наш интеллигент,
От луганчан — поклон и уваженье
Прими за то, что твой эксперимент
Разбил границы мироотчуждения.

Татьяна

Ирина Дружаева

Сегодня в рубрике «Наше интервью» мы знакомим читателей с интересным человеком - Ириной Дружаевой. Ирина живёт в г. Городец, местоположение которого, возможно, не каждый читатель и знает, но писательница и поэтесса - Ирина Дружаева хорошо известна в литературных кругах. Не один конкурс ею выигран, не одна книга издана, не одна встреча с читателями проведена! Как говорил А.П. Чехов: «Талантливый человек талантлив во всём» - эти слова, в полной мере относятся и к нашей гостье. Ирина Дружаева - человек творческий и разносторонний: иллюстрирование книг, нестандартная живопись и... даже авторское изготовление свистулек! Увлечения и интересы говорят о многом, и - мы беседуем с Ириной Дружаевой.

Ольга Яралек (О.Я.): «Мы» - это наш опыт, знания и навыки. Пожалуйста, Ирина, расскажите о себе.

Ирина Дружаева (И.Д.): Все мы «родом из детства»... Моё было таким, что греет душу до сих пор теплом воспоминаний, подпитывает желание «творить». Для кого-то маленький лесной посёлок Рустай, затерянный в дебрях Нижегородской тайги - странная, чуждая глушь. Для меня - это родина, милое сердцу место с непролазными таёжными чащобами, раменами да корабельными борами под небеса, с необъятными болотами, лесными речушками с таинственными тёмными омутами. Поплутаешь по таким местам - и поверишь в сказку! Словно видишь краем глаза: то Леший промелькнул в лесу, то Кикимора в болоте...

Кикимора

Где реченька дремотная
Торфяный сок сосёт,
Хозяюшка болотная -
Кикимора живёт.
Зелёная и странная
Трясиною кружит
И глушь свою туманную
Любовно сторожит.

Мурлыкая, ласкается
К ней камышовый кот.
Кикимора старается -
Ковёр зелёный ткёт.
Уводит и аукает
Попавших в глушь людей,
И ласково баюкает
Прекрасных журавлей.

Кикимора печальная
В таинственной глуши.
Шуршат ей колыбельные
Ночами камыши.
На мхах ковровых нежится
Болотная краса.
Тому на миг покажется,
Кто верит в чудеса.

От красоты такой дикой - поневоле станешь художником. Места эти вдоль речки Керженец облюбованы были когда-то старообрядцами. Остовы скитских строений и сейчас встретишь вдоль реки. Это родина моей мамы. А отец родился в деревеньке возле Городца, что стоит на крутом берегу Волги.

С Городцом связаны мои школьные годы. Сюда вернулась лет 15 назад из Нижнего Новгорода. Чему очень рада - не люблю большие города, от них равнодушием и холодом веет.

Городец в кружевах

Лабиринт узких улиц.
В закоулках трава.
И сады окунули
Городок в кружева.

РАЗГОВОР С ИРИНОЙ ДРУЖАЕВОЙ

Старых изб вереницы
Навевают покой.
И доверчиво птицы
Гнёзда вьют под стрехой.
На дубовых карнизах
Спят гривастые львы.
Церкви рядятся в ризы
Из узорной канвы.
Купола оглавляют
Кружевные кресты.
Миром благословляют
Городок с высоты.
Русь жар-птицею, сказкой
Здесь живёт, не спеша.
Здесь провинция русской
Расписная душа.

Родители - любимые и любящие. Но - вечно занятые. А потому воспитанием до школы занимались исключительно бабушки - то в лесном посёлке, то в городишке деревеньке детство пролетало. Бабушки - добрые и мудрые, царства им Небесного.

Расскажу хотя бы об одной. Анна Ивановна из Рустая. Лишь спустя годы, сейчас, понимаю её уникальность. Всё успевающая труженица - без жалоб, просьбы о помощи - в вечном трудовом подвиге жила. С рассвета до ночи. С 6 лет, оставшись без матери, стала хозяйкой в доме отца - всему научилась и справлялась с немалым хозяйством и деревенским непростым бытом. А потому не было в её жизни ни школы, ни увеселений. Работа, раннее замужество. Шестерых детей воспитала с мужем, дедом моим. Дали всем образование. Бабушка была талантлива во всём - всё в её руках спорилось. И умна - сама научилась, без всякой помощи, читать и писать. Так велико было желание. Храню открытки, присланные ею - написанные печатными буквами, как слышится, без знаков препинания. В детстве - веселили, теперь восхищают эти тёплые кусочки бумаги... И церковные книги читать научилась и понимать - сердце подсказывало, что ли? А ещё... очень любила стихи! Собирала в картонную коробку все листочки отрывных календарей со стихами, все книги, что попадали в дом. Много знала наизусть и читала нам, внукам. Грибы чистит, ягоды перебирает - ни минуты без дела. И - что-нибудь нам рассказывает - сказки, прибаутки, стихи. Может, и свои? Теперь ведь не вспомнишь. И когда меня вдруг среди ночи стал будить «недуг вдохновения», заставляя просыпаться и что-то записывать, я мысленно с ней разговаривала: «Бабуль, не ты ли хулиганишь, спать не даёшь? Помочь душе моей затосковавшей хочешь?» И хоть ответа не слышала, а убеждённости в бабушкином незримом присутствии в трудный момент осталась...

Не только любовь к поэзии досталась мне от Анны Ивановны. Ещё и вечное желание «творить» что-то руками. Была она рукодельницей первой на деревне. Всё с изюминкой, затейливо - половички, так в ёлочку; холсты - так самые тонкие, да ещё с фактурой в квадратики, вышивки удивительные самобытные, носки варежки - так с узором. Всё, что сумели в семье сохранить из её рукоделий - с гордостью выставляю теперь в своей арт-галерее.

Бабушки мои любимые с детства привили любовь и уважение к старшим. И как часто это в жизни помогало потом.

Иногда кажется, что события в жизни случайны. Проходят годы - понимаешь вдруг, что всё было так, как лучше, словно по намеченному свыше плану. Готовилась на биофак университета, а в последний момент поступила на факультет почвоведения сельскохозяйственного института. Сейчас понимаю, как повезло - училась с удовольствием. Преподавателей наших, увь, уже нет в живых. И таких уже не будет - истинных интеллигентов, романтиков (из геологов и биологов пришедших). Самые лучшие и талантливые из них так и не написали диссертаций - не от недостатка знаний, конечно. Просто их интересовало всё - музыка, литература, живопись. И всё это обсуждалось с нами, студентами - выставки, новинки («толстые журналы» с ними читывались до дыр). А к почвоведению привили такую любовь, что и сейчас с восхищением заставляю перед любым овражным обнажением - любуюсь картиной истории Земли в цвете и фактуре.

А работать потом пришлось с выпускниками университетского биофака в одном научно-исследовательском институте. Только мне было легче: и командировки в деревню не пугали, как их, а радовали, и со старушками общий язык находился, и на природу тянуло всегда. Потом, после окончания аспирантуры, сама пыталась увлечь студентов романтикой экспедиций.

А жизнь преподавала свои уроки. Уехала за мужем из Нижнего в Городец. Жизнь семейная полосата - и радости, и «горести-печалести». От этой полосатости, как спасение, пришло творчество. Сначала лирика, потом проза, детские стихи и сказки. Чуть позже - начала иллюстрировать детские книги и делать яркие глиняные панно. А теперь ещё и свистульки-гуделки авторские. В итоге организовала частную художественную галерею в Городце.

Так что всё, что легло на душу в детстве и юности, всё работает теперь на меня, помогает жить и творить.

О.Я.: Как у истинного художника, в Ваших произведениях, и в рассказе о себе встречаются слова-самородки: «горести-печалести», «реченька дремотная» и др. В этой связи необычная просьба: а расскажите о себе, используя только... прилагательные!

И.Д.: Только прилагательные? Интересно! Отвечаю: Я -
Разная - переменчивая;
Весёлая - грустная;
Ленивая - работающая;
Наивная - прозорливая;
Светлая - пасмурная.
«Сухая - мокрая!» (смеётся!)
И так далее в разном процентном содержании на каждый день и час...
Короче - полосатая - актуально в год тигра. Развеселили этим вопросом, Ольга!
Невольно в рифму захотелось сложить:

Полосатая

Жизнь и адом одарила, и сказкою -
Полосатая, с тигровой окраскою.
Ярлыки молвой такие навешаны...
И грехи и святость так перемешаны...
Хоть приметами совсем не богатая:
Не губаста, не толста, не носатая,
Но, сама я, как и жизнь, полосатая:
То прилизана, а то вдруг - косматая,
То весёлая до громкого хохота,
То отчаянна - посуду бью с грохотом.
То в ленивом полусне застываю.
То в работе есть и спать забываю.
То от пламени любви полыхаю.
То от горечи и слёз задыхаюсь.
В серых буднях день за днём обитаю.
Но - и в розовом тумане витаю.
То спокойна и грустна, как Снегурочка.
То - Ягою б на метлу - вот натурочка!
Пусть от жизни то елей, то затрешина -
Однотонным не завидую женщинам!

О.Я.: Какие личные качества помогают Вам в жизни?

И.Д.: С детства и по сей день помогают в жизни доброжелательность и искренность. А с годами ещё и общительность - много встреч с людьми, по работе и связанных с творчеством. Особенно много - с детьми. В детстве, порой, мешали чрезмерная скромность и закомплексованность. Как отличнице, всегда предлагали роль Снегурочки. А мне даже по ночам снилось - на метле летаю! И вылилось это в итоге в целую серию стихов и сказок о Яге. Читая эти стихи, перевоплощаюсь в свою героиню. Кажись, подвернись под руку метла - взлечу в кураже!

«Уморительная» артистка

Даже кто не голосистый,
Нынче все хотят в артисты.
Вот и бабушка Ягушка
Петь надумала частушки.
Как завоюет под гармошку -
Удирают даже мошки.
Всякая птичий мелюзги
Не слышать из-за Яги.
Бабка горло надрыгает,
Лес от шума изнывает.
От такого пения
В брюхе - несварение.
Уморила всех Яга...
Хоть из леса убегай!

О.Я.: Чем Вы интересуетесь сегодня? Что занимает Ваши мысли?

И.Д.: Мысли, конечно, разные. Хорошо, когда мозг занят чем-то плодотворным, когда есть вдохновение. А когда нет... Разное в голову лезет... Некоторые мысли тёмные. Периодически их, как кошка блох, отлавливаю и уничтожаю в зачатке. В голове чисто должно быть от таких мыслей и светло, как в горнице у хорошей хозяйки. С головы, говорят, и рыба тухнет. Так что застоя, затемнения и «запечатленности», затянувшейся в мозгу, допускать нельзя. А тогда и на душе чисто и радостно, и в сердце тепло да любовь. А когда в тебе

любовь, проблемы отступают, люди хорошие притягиваются. Есть мысли, которые всегда со мной - семья, дети. Всё остальное - потом: работа, творчество. Городец - невелик, а культурная жизнь «ключом бьёт»: выставки живописи, резьбы, концерты, авторские вечера. Удивительные летние праздники, когда мастера со всей страны съезжаются. Игумен восстановленного Фёдоровского монастыря вносит свою лепту в культурную жизнь города: на праздники православные привозит из других городов хоры и светские и церковные.

О.Я.: Когда Вы увлеклись писательской деятельностью? Сколько времени ей посвящаете?

И.Д.: Первые строки написаны лет семь назад. Вдохновение - субстанция летучая... Когда «улетает» - есть живопись, глина.

О.Я.: Есть ли у вас работы, которые написаны в стол? Что это за работы?

И.Д.: Да, есть. Это повесть (или роман?) о деревне. Начало написано на одном дыхании. И... пока всё. Десяток готовых макетов детских книг: стихи, сказки с авторскими иллюстрациями. Реализовать это пока не пыталась. Те книги и сборники, что у меня изданы - как-то всё без моих усилий организовывалось. Удача, наверное: то выигранный грант областной, то интерес местного издателя. Вот и сижу на макетах, жду «у моря погоды».

О.Я.: Что привело Вас в детскую литературу? Какой первый детский рассказ или сказку Вы написали и почему?

И.Д.: Пожалуй, есть предыстория у детского периода творчества. Нянька из меня не очень... Вечно чем-то замороченная женщина. Но, иногда всё же приходилось сидеть с внуком маленьким. А он такое выдал, начиная говорить, - сожалею, что не записывала... А вот историю первого стиха помню. Максим (внук - О.Я.) пускал парашютики с лестницы в прихожей, а я варила ему кашу. Прибегает на кухню, тянет за собой: «Посмотри, как далеко улетел!» Я вцепилась в плитку: «Каша убегает!» А внук: «Ты иди, смотри парашют, а я поглажу, куда каша побежит!» Так родилось стихотворение «Каша-убегаша»:

Каша-убегаша

Бабушка Агаша
Варит внуку кашу.
А внучок во дворе
Строит сказочный дворец.
Прибегает удалец:
- Посмотри на мой дворец!
- Внучек, если отойду,
Кашу, где потом найду?
- Ты иди, дворец гляди!
А за кашей-убегашей
Я отсюда послежу.
Куда спрячется - скажу!

А потом был плодотворный месяц - просто поток детских стихов!

О.Я.: Как Вы воспринимаете критику в свой адрес? Приведите пример критики, которая оказалась для вас полезной.

И.Д.: Спокойно воспринимаю. Многим благодарна за критику. Редактору моих книг, Наумовой Ольге Ивановне, особая благодарность. Она человек откровенный, порой жёсткий. Таким и должен быть редактор. Можно не соглашаться с чем-то, но многому учишься даже в спорах.

О.Я.: Что принёс Вам ушедший 2009 г?

И.Д.: 2009 был годом плодотворным. Писалось, рисовалось, выступалось! Открыла частную арт-галерею. Вышел сборник стихов. Четыре детских книжки-малышки. Состоялись первые журнальные публикации детских стихов («Шуша», «Весёлые картинки», «Кукумбер»). И газетные публикации в «Современной литературе» и газете «Провинциальный интеллигент». С удовольствием сотрудничала с последней, благодарна за публикацию работ моих талантливых друзей - нижегородцев и городчан. Интересно работалось на сайтах «Галерея Златы Раповой» (Злате особая благодарность - это человек удивительный, поддерживавший очень в нужный момент!) и «Что хочет автор». Стала призёром областного конкурса «Мастеров народных братство», Международного конкурса детской и юношеской литературы им. Алексея Толстого, Лауреатом Международного Московского кинофестиваля «Лучезарный ангел» (выиграла номинацию мультипликация в конкурсе сценариев).

О.Я.: Что Вы пожелаете «Провинциальному интеллигенту-1» в 2010 году?

И.Д.: Газете - успехов, конечно! Чтоб взятая планка не опускалась, лишь вверх можно. Удачного поиска, открытия талантливых авторов, интересных произведений!

Беседу велла Ольга ЯРАЛЕК

Любовь Иванова

Тихий ужас

Высок, подтянут, худощав,
Взор мутный, устремлённый вдаль,
Глубокий воротник плаща,
Движенья – тихая печаль...

Он тихо бродит по дорогам
И шепчет, шепчет: «Тихий ужас...»
Его день, ночь грызёт тревога,
Он повторяет: «Тихий ужас!»

Вот вновь я слышу – он идёт.
Помочь! Ну чем ему помочь?
«Старик! Скажи, я помогу!
Остановись! Я всё смогу!»

Багровый шрам рассёк лицо,
Старик... «герой» или «спасатель»?
Отважным, видно, был бойцом!
И... громом шёпот: «Я – предатель!»

Мистер Пардон

Большой, надутый, мыльный
Пузырь любвеобильный
Склонился, засопел,
Угожливо пропел:
«Пардон, мадам, пардон, мамзель...»
Запас приветствий русских,
Немецких и французских
С поклоном источал,
Мурлыкал и ворчал.
Запас словес весь грохнул
И в тот же миг вдруг лопнул,
И... кроме пара – ничего
Уж не осталось от него!

Надежда Амосова

Карелочка

Походкой лёгкой, грациозной
Она идёт тропой лесной.
Стан гибкий нежно обнимает
Красивый поясок тугой.

Идёт и тихо напевает
Мотив весёлый и простой,
Ей птицы дружно подпевают,
Деревья шелестят листвою.

Глаза, как синие озёра,
С прохладной, тёмной глубиной.
Румянец на щеках сравнится
Лишь только с алою зарёй.

Улыбкой доброй и красивой
Зовёт и манит за собой,
И ручейком коса струится
С атласной лентой голубой.

Идёт она тропой знакомой
Земли карельской, ей родной,
Карелочка с душою чистой
И безграничной добротой.

В. Смирнова

Рябина

Средь тёмных елей
Багряный куст,
Он в шапке снежной.
Он гол, он пуст.
Пылают грозди
Сухим огнём
И ночью звёздной,
И ясным днём.
Горит рябина
Под плач пурги
Святой купины –
Краса тайги.
Как капли крови,
На белый снег
Она роняет
Свой алый цвет.

Галина Ершова

Неповторим, красив и молод...

Неповторим, красив и молод,
Ты сразу же запал мне в душу –
Сосновый и еловый город,
Который назван Костомукшей.
Тебя я полюбила очень
За солнце в полночь на домах,
За озеро, где в белые ночи
Алеет парус на волнах
За праздники, что проводились
На каменистом берегу,
Где в вальсе весело кружились;
За ели пышные в снегу.
За белоствольные берёзы,
Что гордо тут и там стоят,
Те, что в трескучие морозы
Одеты в свадебный наряд.
За переменную погоду,
За мелкий, ровный тёплый дождь,
За радуго по небосводу –
Под ним, как в сказке, ты живёшь.
За то, что в городе живёт
Моя любимая семья,
Прекрасный трудовой народ
И мои новые друзья.
Пускай добром всё обернётся,
Пусть в бездну канет нищета.
К тебе, мой город, пусть вернётся
Твоя былая красота.

Ольга Бурьгина

Научиться бы тихой радости...

Научиться бы тихой радости,
Чтобы сразу - не расплескать.
Напитаться бы ею полностью.
Чтобы силы свои восполнять.

Научиться бы тихой печали,
Водопадом чтоб слёз не лить,
И спокойною рассудительностью
Душу с сердцем бы залечить.

Обладать, чтобы тем и этим,
Надо мудрости кладёшь иметь.
Шаг за шагом её накапливать
И смирению песнь воспеть.

Но эмоции смерчем слетаются
И ликуют в радости мы,
Фейерверком её разбрасывая,
Остаёмся у пустоты.

А в печали - навзрыд рыдаем,
Окунаясь в омут беды,
И последние силы теряем -
Вновь стоим мы у пустоты.

От того так и сложно порою -
Что эмоций не обуздать.
А они истощают силы,
И не знаешь - как устоять.

Татьяна Дунаф

Дышу одиночеством

Дышу одиночеством, плачу и таю.
Призрачно-белая, словно снежинка,
Падаю с неба? Нет, я летаю,
В танце кружусь над твоею тропинкой.
Дышу одиночеством, звездные дали
Чуть холоднее теперь, чем обычно.
Пальцы замерзли, а губы устали
Вновь повторять то, что мне безразлично.
Дышу одиночеством, болью и ложью...
Темною улицей в сторону дома
Скрип каблучков... Тишиною и дрожью

Эта разлука мне стала знакома.
Дышу одиночеством,
вижу, как сладко
Спят зимним сном
под окошком качели.
Нам улыбнувшись,
всплакнувши украдкой,
Детство исчезло, и мы повзрослели.
Дышу одиночеством....
В сети онлайн
Плотно запутаны тысячи судеб.
Имя знакомое будто случайно
Видим и знаем, что хуже не будет.
Дышу одиночеством, сердце все тише
Бьется в груди и считает минуты,
Верит.... Немножко –
и ты мне напишешь,
Время придет и изменит маршруты!
Ну а пока что ты только картинка,
Так далеко... Но я все же мечтаю.
Призрачно-белая, словно снежинка,
Дышу одиночеством, плачу и таю...

Зоя Маляренко

Монолог
Настасьи Филипповны

Выбрала себе казнь. Выбрала палача.
Что мне моя душа? Дырка от калача.
Мир бы перевернуть с сиюминутной
Бешеной красоты. Я же на упокой
Грешной души взяла тихого князя
взгляд.

Рассказ
Зелёный праздник

Полярная ночь.
Кто с ней никогда не встречался и не знает лично, тому не понять, насколько это гнусная старушенция, в изрядно поношенном, тщательно отглаженном платье черного бархата с отложным белоснежным, атласным воротничком и такими же манжетами на рукавах.
Вся такая правильная из себя... До безобразия просто!
Если положено заступить на многомесячную вахту в ноябре, так именно в этом месяце и – ни днём позже. Ну, а чтобы с поста уйти ранее отмеренного, даже и не проси. Бесполезно!
Счастливая частная собственница солидной крокодильей фермы, каждая из зверюг которой ежеутренне так и жаждет проглотить наше всеобщее достояние - пусть и не особо жаркое, но светлое и ласковое заполярное солнышко.

Правда, сколько ночной верёвочке не виться...
Как правило, всему, в том числе и ненасытному аллигаторскому аппетиту, рано или поздно, наступает вполне предсказуемый конец.

В начале марта долгожданное небесное светило альм краешком выглядывает из-за горизонта и, отогнав куда-то в сторонку непроглядную и, как уже казалось, извечную в своей непобедимости темноту, на какую-то малую толику времени остаётся в гостях у редких обитателей белых бескрайних просторов Большеземельской тундры... Боясь показаться навязчивым, сначала чуть-чуть, на минутку какую. Воробьиный шажок мелкий. Потом на заячий поскок. Ну, а потом и на быстрый, стремительный олений бег, когда сзади, с нарт, круглым деревянным шариком длинного хоря, не больно, но настойчиво, - по крупу:
- Хор-хор... Хор-хор...

Но от нарушения безраздельного господства полярной ночи до её полного и окончательного краха ещё ой, как далеко...

А пока - только различные оттенки белого и чёрного перед глазами. Белой горизонтали заснеженной тундры да чёрных шахтных терриконов, стремящихся к вертикали.

И накопившаяся за зиму усталость тяжёлым грузом хандры и депрессии всё ниже и ниже – к земле.

Сбросить бы её, распрямиться в полный рост навстречу идущей с юга весне... Но как? Ведь весна – это не только мокрый снег и ручьи, но и зелень первой листвы...

Может, именно потому уже к концу марта все пионеры и комсомольцы Заполярья, вне зависимости от места проживания, успеваемости и возраста, друженько прорезали в любой

Ах, не зови меня! Ах, не зови назад!
Я не тебе чета: агнец ты, я же – лев.
Буду лежать в цветах белая, околею.
Будут под смех хоронить, под бубенцы дурака.
Князь мой, мой добрый князь! Где же твоя рука?
Вижу далекий край и беззащитный взор
Тихого дурачка. Лучше прямой укор.
Мне не сплести судьбы. Не повернуть коней.
Пойте ж, цыгане! В пляс! Пей же, Рогожин, пей!
Выбрала себе казнь. Выбрала палача.
Что мне его душа? Дырка от калача.

ПЕСНЯ

Что грустишь ты, свечечка, в позднюю пору,
Али злой хозяин позабыл тебя?
Огонек твой клонится - долу, долу:
Давит сердце свешное грусть-змея.

И от слез горючих бело тело тает,
Ободочек траурный у огня...
Знаю, знаю, свечечка. Все я знаю -
Так же было с суженым у меня.

Отлетит душа твоя струйкой дыма,
Лишь займется в небе золота заря...
А я простила, свечечка, я простила,
Так же было, милая, у меня.

имевшейся под руками картонке отверстие под диаметр чуть меньше луковицы. Чтоб та плотно сидела в этой конструкции, но не проваливалась.

После проверки соответствия диаметров и плотности крепления, в обычный гранёный стакан наливалась вода из-под крана и на него ставилась картонка с зажатым в ней луком так, чтобы корешки луковицы были погружены в живительную влагу.

А уже всю эту пирамиду водружали на подоконник. Как правило, кухонный. Или тот, на который ранее веснее солнышко чаще и охотнее заглядывало в гости.

Через неделю-другую из луковицы начинали выглядывать зелёные стрелы.

В квартире сразу становилось ярко, зелено и красиво. И начинало пахнуть... Та-ак вкусно начинало пахнуть весной!

А как распускаются листья на деревьях, я увидел только в институте.

На каникулы из Воркуты уезжали в конце мая, начале июня.

Снега в городе было ещё много.

За городом его было ещё больше. Ведь там им не загружали ЗиЛовские самосвалы и не увозили в неизвестном направлении с улиц и площадей. Так что, как тщательно ни вглядывайся в проносящийся за окном вагона пейзаж, он из часа в час всё один и тот же.

Сплошная стена высоких, решетчатых деревянных щитов снегозадержания в небольшом удалении от железнодорожного полотна. Навалившиеся на них, осевшие, но ещё окончательно не сдавшиеся на милость тёплого победителя, уходящие куда-то далеко-далеко в тундру снежные сугробы. Небольшие черные проплешины вытаявшей земли с накрепко уцепившимися за неё карликовыми ивами и берёзами с ещё голыми, мокрыми ветвями. Раскрашенные желто-коричневой краской прошлогодней травы островки болот.

Щиты, снега, земля, болота...

Серое, грязно-белое, черное, желто-коричневое...

Щиты, снега...
Час, другой...

Первое, что, помимо яркого солнышка, бросалось в открытые глаза утром – зелень. Яркая зелень травы на железнодорожных откосах. Свежая зелень листвы на быстро убегающих назад, к Воркуте, уже не карликовых деревьях... И не тундры - тайги...

Всё...
Всё крутом – зелёное!

Крещение и воскрешение

Слово «крещение» (греческ.) означает «погружение в воду». В православной и католической церквях крещение относится к разряду таинств. Однако термин этот имеет не единое значение. Так в более распространённом понимании «крещение» это - смерть, а водное крещение - один из способов умирания.

Кроме прочих, имеют место крещения огнем, духом и даже кровью. Люди знают о мёртвых водах реки Забвения - Лета (греч. «забвение» — из греческой мифологии), как и знают мёртвую воду реки Иордан. В Иордане Иоанн Креститель погружал в реку людей, ибо при крещении человек не только смывает с себя все прежние грехи, но и умирает для грехов, и готов для воскрешения в пионеры добропорядочной жизни.

Я постараюсь представить логическое толкование процессов крещений, но в контексте не биологической смерти, а через призму духовного очищения. Оно (очищение) способствует новому наполнению информационным (и новым уже!) отношением к быту, т.е. воскрешением от павшего духовного человека к воскресшему для истинной жизни.

Рассмотрим массовые процессы крещений и воскрешений и, конечно же, не однобоко, а в противоположных крайних их проявлениях. К примеру, живут законопослушные люди, но происходит некое внешнее бедствие, такое как наводнение или землетрясение, и вот часть этих людей превращается в мародёров, грабителей, воров, а другая, напротив - в спасателей и хранителей здоровья, жизни и имущества. Притом, социальные потрясения или шоковые процессы в экономике, военные системы и просто информационные (которые были или казались стабильными в национальном самосознании) могут восприниматься в такой момент так, словно произошел сбой этой привычной для всех системы. И вот при таких сбоях в уже сложившейся (подчёркиваю!) системе у людей начинаются отклонения от обычной их рациональной функции в логическом мышлении. Потрясения, стрессы, шок могут приводить к полным переворотам в сознании человека, и то, что казалось естественным, то, что отвращало его от соучастия в каких-либо действиях или бездействиях, человеком уже принимается как данность.

Различные профессиональные дарования людей имеют определенную направленность в его сознании, как, впрочем, и дурные. Я говорил, что, если человек не имеет, так сказать, «точных ключей» к пониманию мира в химической, физической, астрономической, космогонической и иной интерпретации, то он в реальности и не является представителем этого мира. Так же мной писалось, что переходы из одного мира в другой осуществляются при переворотах в сознании или при отклонениях в сознании - человек может обращаться в иного представителя, а может (несмотря на различные искушения и соблазны) и не обращаться.

Массовые перевороты и переходы из одного устройства мира в иной, имеют тоже свои особенности. Например, для США, с позиции космогонии, самым важным событием в истории страны является Гражданская война (1861—1865 гг) и победа северян в этой войне. Эта победа для страны имеет большее значение, чем любые ее технические достижения в освоении того же космоса (где американцы наивно ищут иной мир!)

Возникновение некоего нового представления мира возможно лишь при совпадении внешних особенностей с внутренним рациональным соображением. Это и есть ключевые оборотные расположенности, которыми и открываются двери к новому представлению какой-либо действительности!

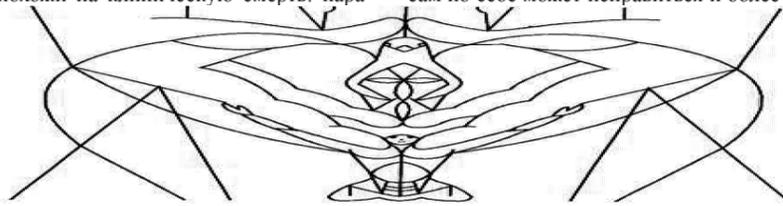
В истории нашей страны есть очень яркие примеры социальных переворотов, которые претерпевали изменение рационального мышления в массовом сознании. Это - социальное потрясение и приход к власти Ленина и Сталина со своими догмами (от греч. dogma - мнение, учение, постановление). Потом - хрущёвское отклонение от советского сознания и системы. Затем - переворот с приходом власти (со своей антисоветской линией), которая была зеркально перевернута, шла вразрез советскому социальному бытию и, конечно, сознанию. То есть появились уже совершенно другие миры и представители, хотя сохраняется хронология и многие другие одинаковые признаки. Мне уже давно не встречаются люди с советским рациональным сознанием, причём, даже среди современных коммунистов таких людей уже почти и нет. Потому, когда я слышу, что некие проблемы в Российской Федерации связаны с коммунистами, пусть даже и бывшими коммунистами с «совковым» сознанием, то это лишь свидетельствует о ложных попытках оправдать то, что и обстроилось

после шоковых экономических, националистических, геополитических, оккультных, социальных, информационных и других антисоветских крещений и воскрешений.

Однако надо четко сказать, что в любой системе имеют место быть и исключения из общепринятых правил, но в таких случаях срабатывает система приспособлений, притворств, скрытности. Но даже явные проявления иного порядка или иного рода информации просто игнорируются общественным, другим, уже рациональным, сознанием.

В добропорядочном мире случаются исключения, которые в порочном мире зачастую выдаются за правила.

Глобальные социальные катаклизмы очень похожи на клиническую смерть: пара-

лич, при котором многие функции в организме резко снижают деятельность, а сознание становится некой абстрактной субстанцией. В такой период в сознании человека могут происходить непонятные процессы - «метаморфозы». Такие же процессы происходят в массовом сознании общества, а процессы эти могут совпадать не только с природными катаклизмами, но также совпадать и с переходом общества на новые прогрессивные открытия и с реализацией этих открытий.

Гениальность и сумасшествие, страх и любвеобильность, а также другие противоположные качества становятся, порой, не отличимы. Однако, чем моложе представитель рода, тем он менее насыщен стереотипной информацией, а потому именно молодые люди, как, впрочем, и малолетние представители других существ, впитывают новые реалии в различных отношениях.

Для системно сформировавшихся и сложившихся уже в определенные стереотипы людей должны происходить процессы приспособлений и адаптаций начального выживания. Либо в их сознании должны происходить отмирания уже ненужных стереотипов (которыми эти люди руководствовались в ином социальном бытии), но с тем, чтобы заполнить пространство новым стереотипным мышлением и новыми отношениями в бытии. Поэтому, чем крепче стереотипы в сознании человека или общества, тем трудней их разрушить и выстроить новую систему рациональности. Проще, чтобы разрушить сложившийся уже крепкий стереотип, нужно более сокрушительно получить некое потрясение.

Например, преступники и обманщики вовлеченные в такую же бытовую среду и систему такого же стереотипного мышления, не получая адекватной сокрушенности внутреннего и внешнего воздействия, так и остаются сложившимися преступниками. Порой, даже уличенные и наказанные, они не оставляют этого стереотипа мышления, которое у них уже сформировалось и в повадках, хотя общепринятые нормы такие люди используют в общении и в быту. Но это не их естественный стереотип. Чем крепче стереотип, тем необходимее становится и экстремальное потрясение, которое способно разрушить один стереотип и заменить его на другой.

Возьмем реальные примеры и вспомним историю с Порфирием Ивановым. Он имел сложившийся стереотип блудника, сквернолова, пьяницы. Но никакие обряды представителей культовых вероисповеданий не производили в нём отмирания этого стереотипа, и воскрешение типажа, ведущего здоровый образ жизни, не будили информации добропорядочности. Когда Порфирий Иванов осознал всё своё порочное естество, то он принял экстремальное крещение водой. И не культовыми обрядами он осуществлял это крещение. Это

экстремальное крещение и внутреннее сокрушение произвело в нём полный крах прежнего его стереотипного естества! И при этом он преобразился совершенно в другого человека, который стал выстраивать новый в себе стереотип. Иванов стал проповедовать экстремальный образ жизни через физическую закалку организма.

Однако, как я уже говорил, стереотипы могут формироваться разные, но они не все устойчивы, а потому, если человек только сделал или сказал нечто плохое и чувствует при этом свою вину, мучается, что в нём зарождается порочный стереотип, то, порой, достаточно извинения и его прощения тем, кому он принес плохое настроение. Такой человек сам по себе может исправиться и более такого

не допускать, строго следить, чтобы его добропорядочный стереотип не пострадал и не сменился на порочное естество.

Бывает, что, кто-то простил или сам человек исправился, но некоторые пытаются ему воссоздать уже умерший, так сказать, в нём плохой стереотип, для шантажа. Или стараются доказывать другим, мол, а он-то вот каков! а теперь себя за этого выдает... Конечно, есть и притворщики, которые, якобы, покончили с одним образом поведения и характера, а возродили другой.

Что же касается Порфирия Иванова, то и не стоит сомневаться в том, что он покончил таким экстремальным способом со своим порочным образом или стереотипом и преобразился в другой образ - воскрес для здоровой жизни! Хотя проповедание Порфирием Ивановым только экстремального преобразования из плохого в хорошее не всем нужно (как и постоянное нахождение в экстремальном состоянии, чтобы не поддаться опять порочным соблазнам и искушению). Более того, есть и сами по себе добропорядочные люди, которым не надо разрушать свои стереотипы, т.к. есть и обратные крещения и воскрешения, причём как от экстремальных происшествий, так и через постепенное прививание порочных привычек, которые становятся порочным стереотипом в мышлении и в поведении. Однако сам по себе факт с Порфирием Ивановым и есть пример реального крещения порочного естества и воскрешения новой добропорядочной в нём естественности. Факты эти - лучший показатель преобразования человека. Лучший, чем многочисленные ложные обряды, проводимые различными представителями культов вероисповеданий, которые считают именно притворные и театральные обряды «истинными», в отличии от совершенного Порфирием Ивановым реального крещения и воскрешения.

Я заявляю, что крещение самого Порфирия Иванова и его преобразование в нравственного человека истинным крещением и воскрешением. В связи с этим хочу сказать, что мне пока не довелось увидеть ни одного человека, прошедшего обряды крещений у представителей культов верований, который очистился от невежества, лжи и других пороков и просветился для истинного благоразумия и справедливости.

Вообще притча «О блудном сыне» и есть, своего рода, пример падения, либо медленное опускание человека, в смерть от добропорядочности, воскрешение в нём порочного стереотипа, затем полное опустошение и приход сознания, а затем и реально приход обратно к добропорядочной жизни. Если было бы так, как пытаются толковать все оккультные представители о вполне реальных биологических явлениях крещений и воскрешений, то земной Адам с Евой должны были бы биологически и умирать, чего не произошло. Различные

мнимые и воображаемые верования, которые внушают представители различных культов, складывают ложные стереотипы в массовом сознании общества, как о реальной справедливости в суждениях и в социальных построениях. Люди фанатично верят в вертепные обряды и ритуалы - мол, их «вера» (замечу - мнимая) и избавляет их от плохого. Мол, люди в этих обрядах приобретают хорошее. Приобретут после своей биологической смерти некое тоже воздаяние. По сути, в своем же реальном духовном мире люди уже стереотипно ставят выше себя лживых оккультных представителей, возносят так же богачей, хитрых обманщиков, блудниц и блудников, пошляков, бандитов, притом отводя себе роль ничтожности, даже будучи тотальными эгоистами. Это ложные стереотипы в сознаниях и ничего не имеющие к реальным положениям и качествам, отношения в быту тоже довольно крепкие, а разрушить их, порой, не представляется возможным. Ведь часто эти стереотипы уже выстроены в реальном социальном и информационном рациональном положении. Для того, чтобы изменить в массовом сознании стереотипное представление, которое сложилось за века у российского общества во времена политики Ленина и Сталина, воссоздавались куклы в образах попов, богачей, корыстолюбцев, блудников, пьяниц. Их уничижали, сжигали как, например, на масленицу, а образ добропорядочных крестьян, рабочих, красноармейцев, советских ученых, идеологов и так далее возносили. Ломка старых символов и стереотипов в сознании изменяла и психологию людей, которые уже устремлялись и приобщались к просвещению, моральным идеалам быть героями и энтузиастами в новом рациональном сознании и построении мира.

С антисоветской перестройкой опять в стереотипах все поменяли, где народ и простой обыватель, в частности, восприняли геополитические, идеологические, экономические, информационные и прочие параличи, а затем шоковые терапии. Опять обычный человек унижен - у него другие стереотипные идеалы и предположения, и, можно сказать, что все опять перевернуто с ног на голову!

Конечно же и перевернуто отношение к советским образам, символам, системам в экономике, в геополитике, в информации к советской социальной закономерности и стереотипам. Акцентируя внимание на эти и другие закономерные процессы, которые касаются реальной духовной рациональности в соображениях индивида и общества, я привожу и примеры для более ясного понимания. Какие процессы из них носят определительный характер, выводится мной из правил, а не из слепых верований, и никогда я не стану утверждать, мол, если вы будете верить в нечто и умрете в этой вере, то получите некое спасение.

В своем издании мы даём сведения тем, кто хочет понять единичные или массовые случаи различных наклонностей, изменений в наклонностях или переворотов в сознаниях и бытии. При этом даём примеры более точных определений: кто и во что преобразовывается, и когда это просто мнительные обманы.

Меня очень часто критикуют за мои аналитические публикации. Статьи (эссе), мол, банальные, примитивные. Что в литературном отношении, мол, непонятные. Что в них, дескать, есть несоответствие со святыми писаниями. Что всё написанное мною - это безбожные нападки на, якобы, истинных приверженцев к Божьим правилам и закономерностям в сознаниях, в быте. Однако, чаще всего негативные оценки моих работ исходят от циников, высокомерных псевдолитераторов и оккультных фанатиков, которых не устраивают поднятые, зачастую, трепетные темы. Темы, открытые для дискуссий. Вполне возможно, что мои статьи не претендуют на высокую литературную изысканность, ибо в них нет литература, а живая душа. Душа, ищущая Истину. Присоединяйтесь!

Мы стараемся печатать в нашем издании статьи на волнующие темы, освещать события. Печатаем и художественные произведения в стихах и прозе, имеющие моральную суть в представлении тех или иных нравов, и в художественных стереотипах.

Такие материалы тоже вызывают различные суждения у людей, которые, заявляя, что они в этом ничего не понимают, пишут на них осуждения, другие же соглашаются с реализмом, а иные принимают к сведению.

Сергей ПАШКОВ

г. Казань

Вера Арямова

Журналист, поэт, писательница. Работает в правительственной газете «Республика Татарстан» обозревателем социальных проблем. Член Союза российских писателей и Союза журналистов РФ. Автор книг поэзии и прозы.

Пес

(Фарс)

Муж Антонида превратился в пса. В крупного, хорошего пса непонятной породы. Произошло это постепенно. По какой причине, Антонида не знает - может, вирус какой подхватил, два года болтаясь вдаль от семьи, а может, думает она иногда с обидой, без всякого вируса, по собственному желанию. Потому как ни разу не видела Антонида, чтобы мелкие - поначалу - изменения, которые замечали оба, его огорчали или хотя бы удивляли. Он казался даже довольным, обнаруживая новые собачьи признаки на собственном теле.

А началось все с запаха. Вернее, с его пропажи.

Антонида собирала рубахи Алексея в стирку. И по женской слабости, а скорее, по старой памяти, ведь женской слабости к мужу у Антонида к тому времени уже не осталось, прижала их к лицу и вдохнула запах. Вот тут-то и обнаружилось, что прежнего, родного духа от них не исходило - рубашки резко и явственно пахли псиной. Большого значения этому Антонида сначала не придавала и, может, вскоре забыла бы об этом, если б не событие, последовавшее аккуратно в тот вечер, когда выстиранные «Тайдом» с лимонным запахом рубахи она тщательно выгладила и повесила в шкаф на плечики - по две рубашки на каждое.

Закончив работу, она вошла в большую комнату, где последнее время спал на диване муж. Алексей смотрел телевизор, но на приход жены отреагировал, протянув к ней обе руки. Антонида легонько погладила его и присела на диван. Алексей с готовностью подвинулся и тут же, зевнув, потянулся во весь свой огромный рост. Одежда не хватило, и одна нога выпросталась наружу. Ладно бы нога, а была это не нога, а собачья лапа. Рыжеватая на вид, с крупными растопыренными когтями. Антонида, вскочив, оторопело глядела на нее, а после перевела взгляд на мужнино лицо. Он тоже смотрел на лапу, и, похоже, она занимала его больше, чем донельзя удивленная Антонида. Потом, как бы с сожалением, втянул лохматую под одеяло и через секунду снова выпростал, но уже не лапу, а свою, вполне человеческую ногу.

«Фу ты, причудится же такое!» - облегченно выдохнула Антонида и снова посмотрела на лицо Алексея. Он, как ни в чем не бывало, смотрел на экран. «Куда ж это мне мозги-то повело? - подумала Антонида. - С чего мне все это приблизилось?» Антонида устыдилась собственных галлюцинаций в отношении мужа и почувствовала себя виноватой перед ним.

- Алеша, можно я побуду с тобой? - жалобно сказала и обняла мужа. Тот заулыбался, глянул в глаза Антониде ласково и преданно. Она положила голову на плечо Алексея и вдруг услышала упругие, дробные удары в

мягкую спинку дивана. Скосив глаза, увидела: крупный собачий хвост в легкую загогулину колотит, как бы от радости, по обивке дивана, и на ней остаются рыжеватые шерстинки. «Линяет...» - последнее, что подумала Антонида и хлопнулась в обморок.

Сначала Антонида пыталась разговаривать с Алексеем, надеясь остановить процесс.

- Я всегда изнутри был псом, - сообщил муж.

- Как это псом, я же влюбилась в тебя, замуж пошла, детей тебе родила! Никакого пса ты даже отдаленно не напоминал.

- Ну да, - ухмыльнулся Алексей, - я же старался тебе понравиться, на задних лапах перед тобой ходил.

- А почему же теперь не ходишь? - всхлинула Антонида.

- Ну, нельзя же всю жизнь на задних лапах проходить. Ты вот попробуй всю жизнь - на цыпочках...

На такой резон Антониде и не возразить было.

Дальнейшие разговоры на эту тему муж обрывал лаем. Как только заговорит Антонида об этом, Алексей - в лай. А потом стал лаять и по другим поводам.

Совсем прохудилась на веранде крыша. Антонида купила рубероид, Алексей покрыл половику крыши и забросил дело. Как только она напоминала ему о приближающихся вместе с осенью дождях - начинал лаять. При этом у него то уши собачьи прорастали ненадолго, то нос покрывался шерстью, а то и вся голова превращалась в псину. Антонида пугалась и отступалась от него. Что делать с крышей, никак придумать не могла. Не просить же соседа чинить - при живом-то хозяине! В округе все знали Алексея как мужика с золотыми руками и большой силищей. У всех на виду Алексей когда-то один этот дом из разлухи поднял: и фундамент под него подвел, и крышу сменил, и веранду пристроил, и много еще чего. Соседи, кажется, ещё не догадывались, что происходит с Алексеем.

Антонида весь этот ужас переживала вдвойне. Десятилетний Колька был свидетелем отцовских превращений, и хотя его-то малолетство хранило от глубокого переживания происходящего, Антониду, как мать, не спасало ничто.

Она шла на работу. Сначала на одну, потом на другую - помимо основной, подрабатывала мытьем полов в двух магазинах и в подъезде жилого дома. Весь день таская с собой Кольку за руку, она чувствовала, что думает с ним об одном.

- Вообще-то, мам, я всегда мечтал о собаке. Как ты думаешь, папа когда-нибудь превратится в собаку насовсем? - высказался однажды Колька.

Антонида не сдержалась и заплакала.

«Насовсем» Алексей превращался в собаку довольно часто и собакой нравился ей больше, чем человеком. В собачьей ипостаси сдержанность и дружелюбие. В человеческом же обличье и при частичных превращениях Алексей стал невыносим. Он чесался задней ногой, не снимая ботинка, добивался, чтобы вылизанные им тарелки и сковородки считались вымытыми, за стол с нею и Колькой садиться перестал, а издали, неотрывно и преданно глядя на людей, дожидаясь, когда Антонида поставит еду перед ним на пол. Колька порой забавлялся: служи! И Алексей, подмигивая сыну человеческим глазом, выхватывал подачку. Антонида впадала в истерику, Алексей начинал злобно рычать и скалить уже вполне собачьи клыки - он не выносил отрицательной эмоциональной реакции на свое поведение. А собакой ластился, лизал руки... Но однажды попытался обнюхать Антониду под подолом. «Прочь, прочь, пошёл вон», - закричала она не своим голосом, и пёс, поджав хвост, проворно выскользнул за калитку. Любопытно, что задвижку открыл быстро, вполне по-человечьи - передними лапами, встав на задние.

Быть женой полупса-получеловека немногого. Антонида тосковала и однажды излила тоску соседке Алле, рассказав все. Алла была супругой бизнесмена. Новенький дом их горделиво возвышался среди других, выросши, как гриб, за одно лето. Мужики-соседи

проходили мимо, отвернувшись, потому как у себя дома отбивались от жен, ставивших им мужа Аллы в пример. Доказывали женам - никакой работой денег таких не заработаешь, только воровством. Зато женщины относились к новой соседской паре уважительно-подобострастно, сразу признав за ней первенство над всей улицей. И шли к Алле с любой нуждой - позвонить, денег занять, помочь похлопотать о чем-то, просили советов. Алла соседок привечала: ведь никакие железные решетки на окнах не спасут от грабителей, а вот хорошее отношение соседей ввиду такой опасности дело совсем не лишнее.

Рассказ Антонида близился к концу, когда зашла Нина - позвонить с Аллиного телефона. А Антонида остановиться не сумела, досказала свою историю при ней. И если глаза Аллы по мере рассказа становились все более удивленными и испуганными, то Нина как будто не нашла в нем ничего удивительного.

- Ну и чего ты ревишь-то? - строго сказала Антониде Нина. - Эко дело, пес! Солидное существо, дом охранять станет. У меня вона - пятый год Васька пятак да хвост закорючкой отращиват, копыты, опять же. Да еще хрюкает, как по пятаку-то хлопну газеткой или чем попало. Совсем превратится - куда его? На мясо, что ль? Никак нельзя, двоим работ у нас, внуки.

- Женщины, вы с ума сошли, или разыгрываете меня?! - почти взвизгнула Алла. - Идите с Богом, думать надо было, за кого замуж выходите и от кого детей рождаете! И вообще перестаньте, все это бред, бред!

- Дак вовсе не бред, Аль, - сказала Нина. - От винища все. Сперва пьют-пьют, а под конец така мутация и выходит с имя. Ниче не понимают, ниче не делают, обыкновенный алкоголизм. Только раньше не превращались, а теперь превращаются. Вона смотри, спида раньше тоже не было, а ноне есть. Мало ли какого сраму нанесло, и это тож...

Алла меж тем уже поднялась с дивана, совладав с собой. Вежливо выпроваживая женщин, вышла с ними на крыльцо. Глаза ее вдруг округлились, она смотрела в направлении дома Антонида. У калитки стоял Алексей и, глядя на пробегающую мимо собаку, преобращался на глазах: встал на четвереньки, оброс шерстью, хвостом, завилал им и весело побежал за собакой...

- Ну вот и отдохнешь от его теперь, - заявила Нина Антониде, - он за сучкой-то далеко убежит, может, с неделю его не будет, может, доле. Ты пока будку спроворь, он, может, больше в человечье обличье и не придет, я об таком слыхала. Лучше б и не вертался, опосля того тебе с ним еще хуже будет. Мне Ваську-то кастрировать пришлось, как он к соседской хрюшке в сарай зашел. А твой не дастся - эко пёс какой громадный!..

Вера Арямова

Как ветер не терпит преграды,
Как солнце не знает остуды –
Со страстью не может быть сладу,
И я осторожной не буду.
Со мной мое чувство не шутит -
Оно снисхожденья не знает,
Дойти заставляет до сути
И раны свои не считает.
Несущий сквозь праздник и муку –
Нет, сердце не двигатель вечный!
Осилю земную науку,
А кончится жизнь – не замечу!

* * *

Не жирный кусок пирога,
Не зависть в глазах у врага,
А гром... среди ясного неба!
И запах полыни и хлеба,
Ребенок, с которым нежна,
Работа, которой нужна,
Разбитое сердце на части...
Ну, что еще нужно для счастья?....

Наиля Ахунова

Наиля Ахунова – поэт, сценарист, драматург. Родилась в Альметьевске (1959), живёт в Казани. Дочь известного татарского писателя Гарифа Ахунова. Закончила библиотечный факультет Казанского института культуры. Руководитель ЛИТО Казанского медуниверситета «Белая Ворона», давшего «путевку в жизнь» немалому числу талантливых и неординарно мыслящих поэтов, организатор ежегодного фестиваля поэзии и авторской песни «Галактика любви». Автор девяти книг и множества публикаций в центральной и республиканской печати. В казанском театре кукол «Экият» («Сказка») много лет идёт её пьеса «Здравствуй, Ёжик!». Как сценарист документального фильма «Ласточка цвета жизни» Наиля стала лауреатом 2-го Республиканского кинофорума «Кино без барьеров».

Наиля Гарифзяновна Ахунова – заслуженный работник культуры Республики Татарстан, лауреат Литературной премии имени Максима Горького.

Это не день, а подарок...

Это не день, а подарок,
И по-весеннему яркое
Старого сада покров.
Он не скрывает даров:

Теньканья звонкой синицы,
Солнца, что жмурит ресницы,
Первых сосулек капли,
Влажного воздуха хмеля...

* * *

Прошумело детство
Солнечным дождём,
Пролетела юность
Беззаботным ветром.

Мы с тобою вместе
Зиму переждём,
Тихо вспоминая
Наше лето.

Мне теперь по сердцу
Светлая печаль
Парков золотых
И садов Казани.

Молодость ушедшая,
Мне тебя не жаль,
Я теперь полна
Иных сказаний.

* * *

Памяти
моих родителей

Душе не надо хлеба,
Душе не надо зрелищ,
Ей нужно только небо
И тишь укромных лежбищ.
Душой любимы звуки
Родной татарской речи,
Что от тоски и скуки
В мгновение излечат.
Приеду тихой ранью
Я в Арскую глубинку,
Где на окне герани,
А за окном – рябины.
Где речка так же вьётся,
Бежит среди холмов,
Где сердце громче бьётся,
И закипает кровь
От зова наших предков,
Дыхания земли,
Где свой приют надежный
Сородичи наши.

Знакомьтесь: молодой писатель

Вероника Бережнёва
Прозаик. Родилась в Кемеровской области. Окончила Кемеровский Институт Культуры. Писать начала два года назад.

Купе

Алевтина бежала из последних сил и в сознании пульсировала одна мысль — успеть, успеть, успеть... Успела! Но билетов в кассе не оказалось и, надеясь на чудо и милосердие проводников, она кинулась на перрон к отходящему поезду. Со слезами трясла телеграммой, потом заплакала уже в голос и пожилая, хмурая с виду тётка в форменной юбке вдруг сжалилась и пустила в тамбур.

- Зайди... Только не ори так.

- Я тихонечко! - заулыбалась Алевтина.

Приткнувшись в купе проводницы, она просидела не двигаясь пару часов, пока не наступили сумерки. В вагоне было тепло и чисто, и пассажиры — счастливые обладатели законных билетов, деловито передвигались из купе по коридору и обратно.

«Почему со мной всегда так? - думала Алевтина. - Вечно не везёт! К большой матери и то не могу по-человечески приехать. Везде и всюду опаздываю... Хоть бы всё обошлось!»

Она крутила в руках мятую телеграмму, присланную братом.

Павел - старший из братьев, жил с матерью, младший - Костя с семьёй - в Братске, и попасть к матери мог только чудом, учитывая сезон отпусков. Он редко приезжал из-за вечной нехватки денег, и теперь она думала - каким он стал за минувшие пять лет. Наверное, совсем уже седой Костик... Вроде бы совсем недавно они вместе играли за домом, а мать кричала из окна сердитым голосом — ругала за неполатые грядки.

В купе зашла проводница.

- Тут один крендель целое купе занимает.

Пошли к нему проситься на ночь. Он тоже до твоей станции едет. Может, земляки?

Проводница, постучав, зашла в пятое по счёту купе и заговорила с пассажиром. Тот отвечал, и в голосе слышались недовольные ноты.

«Не хочет! - думала Алевтина. - А кто захочет? Ведь не для того он четыре билета брал, чтобы пускать к себе кого попало...»

- Мужчина! Ведь с каждым беда может случиться! - бубнела проводница. - Она на верхней полочке тихо, как мышка, поспит. Вы и не заметите!

Проводница выглянула и недовольно зашептала: - Сама просись. Не хочет, гад! Упирается!

Толкнув пассажирку вместо себя, проводница вышла и захлопнула дверь, оставив Алевтину одну на один с «кренделем». Алевтина в смущении подняла глаза и застыла — у окна сидел со злым лицом Володька! Давно, конечно, не Володька, а Владимир Сергеевич Рукавишников — известный в стране писатель, её первая любовь. Женщина узнала его сразу, так как всегда читала его книги и видела фото на обложках. За время последней встречи (а минуло - ни много, ни мало - тридцать лет!) Володька сильно изменился и постарел. От некогда пышной шевелюры остались жалкие клочки вокруг багровой лысины.

- Я ведь ясно сказал! - металлическим голосом проговорил Рукавишников. - Выйдите женщина и больше меня не беспокойте!

- Здравствуй, Володя.

Он нахмурился, поглядел внимательно и, надев очки, снова стал вглядываться в круглое непримечательное лицо с покрасневшими от слёз голубыми глазами.

- Не узнаёшь?... Алевтина ... Рогова.

- Алька??... Ты?... А я и не узнал тебя! Как изменилась! Что ж ты стала? Проходи!

Он ещё сильнее покраснел, засуетился. Маленькие холёные руки пробежались по кнопкам и захлопнули ноутбук.

- Вот так встреча! Так это Антонина Ивановна, мама твоя заболела... Ты извини — я не знал...

- Я сама только сегодня узнала.

- А моя мама — хоть и старенькая, но слава Богу — на ногах пока, бегаёт! Вот в гости еду. Проведать и отдохнуть от городского шума и суеты. Давненько не был...

Он мысленно прикинул сколько, и выходило, что не был на родине восемь лет.

Алевтина села напротив, за столиком.

- Спасибо тебе.

- Брось! Ну! Рассказывай! - бодро предложил Рукавишников.

- Что рассказывать? Мне-то нечего рассказывать.

- Так уж и нечего... Расскажи

- как живёшь. Как муж, дети?

Она бросила на него удивлённый взгляд.

- У меня, Володя, нет ни мужа,

ни детей...

- Совсем? - опешил тот.

- Ну да. А ты не в курсе разве?

Алевтина по простоте своей считала, что он, как всякий другой,

интересуется деревенскими новостями и что ЕЁ историю не может не знать. Она также

наивно думала, что их школьный роман дорог Володе

и что он, как и она, бережно хранит

воспоминания...

В тот вечер они вместе возвращались до-

мой из школы после спектакля. Десятилетка

была в соседней деревне в восьми километрах от Мостков.

Володька играл Чацкого, а Алька почему-

то Молчалина. В принципе, понятно почему — в кружке были девочки и всего один мальчик - отличник Рукавишников, которому до-

ставались все главные мужские роли. Он уже

тогда писал стихи, которые печатала районная газета.

Альке ужасно не нравилась роль подхали-

ма Молчалина, но другого способа быть возле любимого не было. Рукавишников не ходил в клуб, девочками не интересовался и готовил-

ся к поступлению в институт.

Была премьера, и школьный актёрский зал был набит битком. Володька блистал и под ко-

нец сорвал овации зрителей.

По дороге домой он упивался собствен-

ным успехом, читая в глазах Альки бесконеч-

ное восхищение и понимал, что мир прекрасен

и создан для него — такого умного и талантли-

вого, и что впереди множество дорог, по кото-

рым предстоит пройти и много добиться...

- Ты увидишь, Алька, кем я стану! Все увидят...

- Да!... Да!

Она мечтала о нём и, как полагается,

представляла себя рядом. Навсегда.

Он шуточно потрепал её за косу:

- Эх, ты! Молчалин! - И неожиданно для

себя поцеловал в полуоткрытый рот. Алька

задохнулась от счастья. Как долго она меч-

тала об этом поцелуе — чтобы вот так, по-

настоящему... А Володьке были приятны её

волнение и обожание в глазах.

Поклонницы! Когда-то у него их будет

много.

Он видел по телевизору выступления модных поэтов и в мечтах видел себя в таком же шейном платке, с красивым перстнем на безымянном пальце...

Дорога шла лесом. С горки - на горку. С горки на горку прыгало сердце Альки в зависимости от частоты и длительности поцелуев.

Она шла, не замечая ям и колдобин под ногами, и ей казалось, что она касается звёзд головой, а душа её слилась с весенним ветерком и парит над лесом...

Ах! Первая любовь!

Плыла над лесом тонкая, насмешливая луна, а звёзды тихо смеялись над мечтой наивной девочки.

Ах! Как хочется счастья в семнадцать лет!

- Помнишь Витьку Агуреева?

- Ну, да...

- Рыжий такой. Ты тогда уехал в Москву поступать и пропал... а он целый год бегал за мной. Вначале я его видеть не хотела, но потом привыкла. В армию проводила и дождалась. Во-оот... Витька в Афгане ногу потерял - на mine подорвался. Но мы всё равно поженились. Пил сильно, а через год в сарае повесился. Я тогда беременная ходила... ну и... потеряла дочку. Такая моя история...

Рукавишников молчал, не зная что сказать. В это время зазвонил мобильный и он обрадованно схватил трубку.

- Привет, Валер!... Да!... Еду!... Без жены... Да!... Один!... Нет!... Что ты!... Какая Ирочка! Я к матери еду... По голосу слышишь?... Нет, дорогой!... Я же говорил, что купе взял... Ну, ладно!... Потом перезвоню... Лады?... Не обиделся?... Всё!... Пока!

Алевтина от

огорчения, что помешала, встала и хотела было выйти.

- Вы извините меня! Я вам так мешаю!

- Сиди! Это товарищ мой давний. Всё допрашивает. А чего это ты вдруг на Вы перешла?

- Неловко стало. Ворвалась... Нехорошо как-то...

- Ерунда!... Давай лучше чаю попьём. Ты, наверное, есть хочешь?

Он вышел из купе и вскоре вернулся со стаканами крепкого душистого чая.

- Как в поезде! - заулыбалась Алевтина.

- Я всегда любила чай в серебряных подстаканниках!

- Вот-вот! Именно, серебряных!

Владимир достал припасы из сумки, и она ловко накрыла на стол.

- Мне так неудобно! Я ведь ничего не успела взять...

- Ты - моя гостья... Ешь! Может, коньячку?

Женщина в сомнении покачала головой, но он поспешно вынул бутылку.

Ему не терпелось снять возникшее напряжение. Нежданная встреча с давно забытой и к тому же несчастной одноклассницей была неприятной и нарушала все его планы. Он собирался отдышаться, успокоиться и под перестук колёс подумать над новым сюжетом.

Владимир всегда уезжал из дома, когда неприятностей становилось слишком много.

Когда был застой в творчестве, а дома было совсем невыносимо от криков и упреков жены Светланы. Просто убежал. Садился в поезд и уезжал, но не к матери в деревню, где нужно было тратить себя на общение, а в один из домов отдыха на черноморском побережье, где пять лет назад познакомился с Ирочкой — изящной, тонкой женщиной, утешавшей его и создававшей особый настрой, после чего вновь

хотелось жить и творить. Встречи эти стали ежегодными, и именно на них намекал друг Евгений.

Жена была старше его и в последние годы стремительно старела ещё больше, но никак не могла смириться с этим фактом, устроив настоящую войну с увяданием. Битва была затяжной и почти не приносила желаемых результатов, что вызывало поток истерик и скандалов. В горнило войны бросались огромные суммы денег, требуемые клиниками пластической хирургии и модными фитнес-центрами...

Она совсем не думала ревновать мужа. Просто ей — ранее красивой и востребованной мужчинами, было невыносимо видеть их равнодушные взгляды, которые скользили мимо в поиске более свежих, юных лиц...

Она - в погоне за ушедшей молодостью, а он - в борьбе за место под издательским солнцем, не обратили внимания, как младший, их общий сын Антон, ушёл из дома, связавшись со странной девичей, и стал наркоманом. Сын находился на краю пропасти, а они совсем не замечали этого, отдалившись друг от друга. Суэта огромного города съедала всю энергию, порождая холод и отчуждение в семье. Когда уже было ясно, что Антошка в беде, они забегали, забили тревогу, но опоздали - сын умер от передозировки.

Потому Владимир Сергеевич последний год всегда носил с собой коньяк.

Попутчики выпили, думая каждый о своём. Закусывая сыром и кружочками деревянной колбасы, Алевтина подивилась домашней закуске, но ничего не сказала. Потом вспомнила:

- Ой! У меня ведь пирожки есть! Когда на вокзал бежала - в сумку пакет бросила.

Она достала домашние пирожки, и Рукавишников похвалил:

- Совсем, как у мамы - во рту тают!

- Да что ты! Это же просто! А разве жена...

Он скривился, как от укуса, и налил ещё рюмку. Потом ещё... Когда опустела бутылка и закончилась закуска, он почувствовал горькую обиду. Не на Алевтину, нарушившую его планы. Нет. С ней ему было неожиданно спокойно и уютно в этом крошечном пространстве, отгороженном от внешнего мира.

Владимир почувствовал обиду на жизнь. За то, что отняла самое дорогое — сына... за то, что жена — дура и испортила ему жизнь... за то, что не умела и не хотела печь ему пирожки, а он, оказывается, их так любил...

Неожиданно для себя, он заплакал. Разрумянившаяся от выпитого Алевтина, вспокоилась и, пересев рядом, стала расспрашивать участливо, а он разрыдался ещё сильнее и рассказал о сыне...

Она плакала вместе с ним и гладила по плечу.

- Ничего, милый! Что ж теперь поделаешь!? Крепись! И молись!

- А как молиться-то?

- Научись. И увидишь — станет легче!

Я как своих потеряла, так сразу к Богу обратилась. Бог мне помогает жить. А вы заказывали поминальную?

Рукавишников отрицательно помотал головой:

- Не знаю, Аль. Я ничего в этом не понимаю...

- Я так и думала. Вот будем завтра на месте — сразу зайдём в церковь.

Он послушно кивнул и, утерев лицо платком, застыдил своей слабости.

- Извини меня. Я тут раскис...

- Горе у тебя! А после слёз - всегда легче... Ведь легче?

- Легче...

- Вот и ладно. Вначале я поплакала, потом - ты... Ведь все мы люди...

Он высморкался и улыбнулся ей.

- А хорошо, что мы вместе едем! Правда!

Сидел бы сейчас один, как дурак...

- Какой же ты дурак? Ты - замечательный! Ты — известный писатель, и я всю жизнь гордилась, что знакома с тобой!

Мужчина с благодарностью посмотрел на её добродушное лицо без следов какой-либо косметики, с мягкими лучиками морщинок вокруг глаз, сияющих неподдельным восхищением.

- Ты правда так считаешь?

- Ну, конечно! А теперь давай укладываться. Завтра будем дома.

- Дома - это хорошо!

ФИНЛЯНДИЯ

Геннадий Михлин

Геннадий Михлин, жил и работал в Ленинграде, Мурманске. В 70-х годах были публикации в «Крокодиле», «Авроре», в периодической печати в Мурманске. Но затем 30 лет практически литературой не занимался. Очнулся в недавнем времени. В Финляндии имел публикации в газетах «СПЕКТР», «Русский свет». Участник нескольких международных литературных конкурсных сайтов, что считаю важным для себя. В последнее время появились публикации в журнале «Новая литература» - 3 сборника, в коллективном поэтическом сборнике «Импульс-3» в Москве, в журнале «Ямальский меридиан» Северного издательства, в газете «Горцы» в Дагестане. В Финляндии живу и работаю с 1990 года. Являюсь ведущим Литературной интернет-газеты Финляндии «Северная широта» <http://www.sever-fi.org>. Добро пожаловать всем, кто знает буквы и умеет их расставлять в интересном порядке!

Геннадий Михлин

Лирика

Бессонница

Улица — рампа,
а ночь — режиссер,
может быть, странный
и слишком упрямый.
День отгорел, как сигнальный костер,
в окна врываются блики рекламы.
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Красный — «Комедия очень
смешная!»
Видел — комедия для простофиль,
Видел — комедия очень пустая.
Светят в домах перфокартой огни,
в них распорядок, программные
чувства,
самодовольство, беспечные дни...
Только в программу не втиснешь
искусство.
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Тронул сосед за стеной выключатель.
Вечер негромко огни загасил,
ночь распростила немые объятия.
Долго напротив маячит окно —
чья-то душа бьется в кубике света.
Бьется, но будет ли ей суждено
прикосновение теплого лета?
В этой ночи — как призывный огонь...
Может быть, в душном рекламном
пространстве
кто-то бредет, подставляя ладонь,
скромному свету в оконном
убранстве?
Нет — ни души!
Штабеля этажей
множатся нагромождением яичным.
Город во сне, и вдруг станет родней
скрип половицы шальной и ничейный.
Только зачем, выбиваясь из сил,
бредит реклама, покоя не зная?
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Красный — «Комедия очень
смешная!»

Зажгутся фонари

В природе будто все устало,
Толкнулся сейнер о причал...
«Моряк, ты слишком долго плавал...»
На берегу закончен бал!

Гонимый болью и смятением,
Я побреду в ближайший бар.
И там напьюсь без наслаждения,
чтобы смягчить судьбы удар.

В том заведеньи дымном, пьяном
угрюмы лица — не друзья,
Сосед дремучий со стаканом —
видать, такой же, как и я.

И вот случайный собеседник
умом окажется — Сократ!
И будут гениальны бредни,
увидю я, Сократ мне рад.

Зажгутся фонари и будут
лучиться, вспарывая темь,
Сократ мне аргументов грудю
добротных, цепких, как репей,
вдруг выскажет. А я поверю,
что все прекрасно — дай-то Бог!
Не надо все хлопать дверью
и убежать, не чуя ног.

Сидишь совсем некрасивая

Сидишь совсем некрасивая,
ведь слезы — плохой косметолог,
и все же по-прежнему милая,
а я кажусь тебе врагом.
Терзаются души пристрастием —
коварнее нет переплета,
чем антагонизм двоевластия:
любовь к тебе

и работа.

В глазах твоих — брызги вопросов,
колючие, злые ветры...
Со счета сойдут колеса,
наматывая километры.

Прости!
Все забуду на свете,
тебя на время забуду.
Вины моей в этом нету,
как нет и моей заслуги.

Иронические

В душевной маленькой каморке

В душевной маленькой каморке
ночь глядит в проем окошка,
и, как будто родничок,
ночничок дрожит-трепещет,
суетно играя с темью...

В душевной маленькой каморке
в толстостенном заключеньи
лист папируса под свечкой,
и перо — как медиатор,
между чуткой белизною
и лохматой головой.

В душевной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов,
атомно взрывоопасных,
до несчетных мегатонн.

А под небом все прекрасно!
Солнце с бледною Луною
мирно тянут хоровод
и не ведают, что где-то
в душевной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов
в прозорливой голове.

Но, когда созреют мысли
в тяжком бремени несносном,
то однажды вдруг изыдет
из той маленькой каморки
в ореоле - будто факел -
обладатель гениальной
и лохматой головы.
И раскинет длань над миром,
И его вдруг все узнают.
И как будто детонатор -
пронесется легким бризом
над узревшею толпою
изумленный вздох мечты...

Вот тогда случится взрыв.

Те, что чудом уцелеют,
будут разводить руками
и рассказывать потомкам,
как всем было тяжело.
Но потомки не поверят,
потому что Солнце светит,
и придут толпой на встречу
с прозорливой головой.

Эх, наверно, не найдется
в мире больше человека...

Ну, тогда я вам скажу:
- Не давайте больше часа,
даже больше двух минуток
в душевной маленькой каморке
ночью сживать под свечкой
даже лысой голове.
Например, как у меня.

Как хорошо на свете быть писателем

«У вас мозоли на руках.
Вы писатель, наверное?»
Автор разыскивается»

Как хорошо на свете быть писателем
в халатике махровом, полосатеньком!
И в кресле восседать большим и
кожаном
за письменным столом, где, как
положено,
все рукописи вперемешку с книгами...
И стопочкой коньячною поигрывать.
И дым пускать из длинной сигареты.
А рядом — секретарь полуодетая,
привычная, как песня перепетая,
но нужная вот именно для этого...

Входная дверь звонками надрывается-
Очередной посланник пробивается,
в жюри зовет и манит бенефисом.
Писатель обвинит его в цинизме:
Где строчки о наличии банкета
и цифрах казначейского билета?

Экскурсии — понятно, что не даром! —
Конвертики подносят с гонораром.
Писатель отвечает на вопросы:
«Когда писал роман, я был
матросом...»
И снова кто-то бархатистым басом
поманит соблазнительным авансом...

Да, хорошо на свете быть писателем
в халатике махровом, полосатеньком!
Поглядывать на шкаф и полки с
книгами
и стопочкой коньячною поигрывать.
И, закусив отваренной телятинкой,
с верандочки глядеть
полувнимательно,
как там листва осенняя колышется...
И говорить задумчиво: «Не пишется!»

Геннадий Михлин стал лауреатом в номинации «Поэзия» на Международном конкурсе юмористической поэзии и прозы «Жизнь прекрасна!», посвященном 150-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова.

Ванда Саволайнен

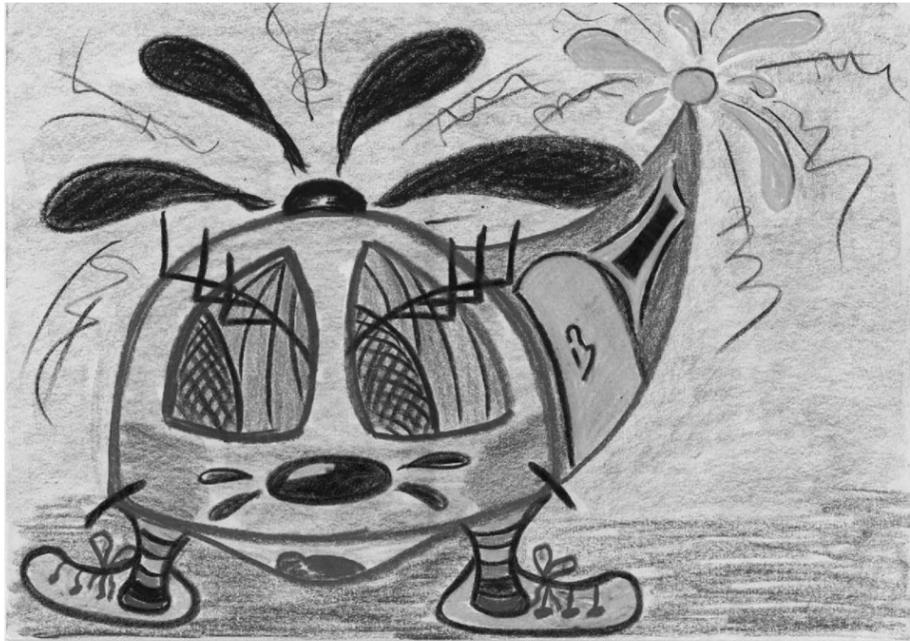
Родилась в Ростове-на-Дону. В 80-х окончила Ростовское училище искусств, в 90-х - Краснодарский институт Культуры. Работала директором музыкальной школы 4 года. В 1999г. приехала в Костомукшу. Занималась общественной работой, возглавляла общественную организацию «Наше будущее». В настоящее время живу в Финляндии. Очень люблю детей и пишу для них стихи.

Маленький чудак

Возле леса, на полянке,
Жил мышонок-счетовод.
Он носил с собой блокнотик,
Удивлял лесной народ.
Все записывал подробно,
Где делил, где умножал.
От рассвета до заката
Все трудился и считал.
От лисы отнимет шишку,
Пень прибавит к барсуку,
Даже медвежонка с белкой
Он умножил на осу.
Эти странные задачи
Не решались, ну никак!
Потому, что был мышонок
Просто маленький чудак.

Поэт-зануда

Пригласил на чашку чая
Слон поэта-муравья.
Тот читал ему поэмы
С выражением три дня.
Про лису и про сороку,
Про крота и про башмак...
Муравьиные поэмы
Не кончаются никак.
Слон устал поэта слушать,
Сколько можно! Нету сил!
Слон вздыхал и тихо охал:
- Вот так чаю я попил!

Вертолет

У меня такой вопрос:
«Где у вертолета нос?
Глазки где и ножки где?
Как он ходит по земле?
Что он кушает на завтрак?
С кем он дружит? Где он спит?
Почему жужжит, как пчелка,
и на месте не стоит?»
Папа, почесав свой нос,
так ответил на вопрос:
«Потому что вертолет
пригласит тебя в полет,
в небе он парит высоко
слушает всегда пилота,
ест на завтрак керосин,
оттого в нем много сил.

Сверху крутится пропеллер,
есть колеса, тормоза,
Ну а если приглядеться –
вылитая стрекоза!»

Паучок-танцор

За амбаром, у колодца,
Жил весёлый паучок.
Отбивал чечётку лихо,
Как заправский морячок.
Он выкидывал коленица,
Как заслуженный артист.
И ещё крутил ногами
То ли джигу, то ли твист.
Но настало Бабье лето –
И не видно паука.
Он, наверно, на гастролях
С ветром пляшет гопака!

Ворчунья мышка

Пожурила мышку мама:
-Где опять твоя панамка?
Ты ее забыла в норке,
У себя на книжной полке?
Сколько можно забывать!
Не устану повторять:
Солнце светит очень жарко
Малышам нужна панамка.

Лесовичок

На краю лесной опушки,
В старой, маленькой избушке,
Жил добряк-лесовичок,
Невеличка-старичок.
Летом он варил варенье,
Заготавливал соленья,
Угощал своих друзей:
Белок, зайцев и мышей.
Осенью ходил с лукошком,
Чтоб собрать в лесу немножко
Сочных ягод, шишек спелых,
Крепеньких грибочков белых.
Зиму всю читал он книжки
И латал свои штанишки.
А весной чинил лукошко
И писал стихи немножко.
Так и жил лесовичок
Невеличка- старичок.

Мечта

У соседского кота
Есть заветная мечта –
Чтоб в его огромной миске,
Каждый день росли сосиски.
Положить одну с утра,
Подождать, чтоб подросла.
Ну а вечером из миски,
Так и валятся сосиски,
Чтоб была их там гора!
Правда, вкусная мечта?

Не пойму

Почему горит огонь?
Не пойму,
Надо мне спросить у папы, почему
Реки мокрые, а айсберг ледяной?
Объяснит и все расскажет папа мой.
Для чего растут деревья?
Не пойму
Надо мне спросить у мамы, почему
Нам нужны с тобой моря и острова?
Объяснит все это мамочка моя.
У родителей задача на земле -
Объяснять, что? Почему? Когда? И
где?
Чтобы грамотным и умным ты
подрос.
Не стесняйся, задавай вопрос!

Нужный подарок

Подарили рыбке зонтик
Накануне Рождества,
Чтобы рыбка с той обновкой
Новый год встречать пошла.
Чтобы радостно у елки
Танцевала под зонтом,
И колбочие снежинки
Были рыбке нипочем.

Приятная прогулка

Мы сегодня в лес ходили
Там мы видели дрозда,
Белку, зайца и синичку,
И колючего ежа.
Покормили их немножко,
Помахали им рукой,
И в веселом настроенье
Возвратились мы домой.

Глупый мышонок

Попутить хотел мышонок
над котом, что спал в саду.
-Я ему усы покрашу,-
На свою решил беду.
-Кот храпит, меня не слышит,
он уставший и больной,
И мышей давно не ловит,
потому что стал слепой.
Хвастунишка разошелся:
-Я угроза для кота!
Кот зевнул, и...нет мышонка,
нет ни лапок, ни хвоста.

Ангел

Мне сегодня сон приснился,
Вот как я его видал:
Взявши Ангела за ручку,
Я вокруг Земли летал.
Видел я прекрасно сверху
Горы, степи и моря,
С удивлением я понял,
Как прекрасна мать-Земля.
И с улыбкою проснулся,
Было на душе светло,
А в руке моей лежало
Белоснежное перо...

Рисунки Алены ЛИСИЧКИНОЙ-
ВАЙНЕКАЙНЕН

Оливия К.

Профессиональный музыкант, с 1992г. проживает в Финляндии (г.Ювяскюля), в рифму начала интенсивно творить с 2006 г.

Думать о возвышенном

Вы сидели напротив,
грызя авторучку,
Вырез блузки на Вас
был бездонно глубок,
Я невольно представил
прелестную штучку
И от изменной мысли
точас изнемог.

“Стоп! - сказал я себе -
Ты здесь босс, не мужчина,
Думай лишь о высоком,
иначе - хана!”

Вспомнил строчки
из Гёте о горных вершинах
И трудиться без устали
смог допоздна.

Поутру я в себя
приходил понемножку
И прилежно трудился,
не глядя на Вас...

Бросил взгляд -
Вы закинули ножку на ножку,
Что-то в трубку вещая
едва ли не час.

Я забыл про дела,
созерцая колени,
Рой несносных фантазий
туманил мой взор...
Битый час предавался
я мерзостной лени
Без единой высокой идеи - позор!

Блейк на память пришёл -
про холмы и равнины,
Про небесную высь,
про свирель и тростник,
Мысли стали чисты
и почти что невинны,
Но азарт трудовой
окончательно сник.

Вы явились на службу
при полном параде -
Сквоз прозрачную
блузку виднелся сосок.
Я подумал - а вдруг
мне поможет Вивальди,
Чей духовный заряд
небывало высок!?

Непрененно Вивальди!
Ведь был он аббатом
И, конечно же,
в девственной жил чистоте.
Так почто я, глупец,
пренебрёг целибатом,
Предпочтя мир соблазна
и плотских утех?

Я для двух мандолин
слушал опус предлинный,
Проводя не бесстрастность -
намеренный тест,
Но.. лишь корпус себе
представлял мандолины,
Тут же глупое тело
являло протест:

Ваши в мыслях
моих ягодицы и бёдра
Возникали,
влекомые низкой мечтой -
Их похлопать ладонью
приятельски-бодро
И с хозяйской
приблизиться к ним правой.

Плясая лишь в монитор
и на клавиатуру,
Я усердно работал
в прохладной тиши..
Мне казалось,
могу я исправить натуру,
Приглушив все инстинкты
во благо души,

Но во мне восставал
неуёмный мужчина,
Только облик я Ваш
представлял, и тогда
Стало ясно -
во всём виновата причина -
Вы и прелести Ваши,
от них вся беда!

Вы печалились искренне
и безыскусно,
Я галантно простился,
Вы вышли за дверь...
Мне, как классику,
стало “и скушно, и грустно”,
Но теперь без помех
я трудился, как зверь.

Хорошо быть кисою

Я тащусь от кошки Джеммы,
Что живёт в моём доме.
Мне бы кошкины проблемы,
Зажила б я по уму.

Не терзалась ни минутки
Никогда бы ни о чём,
А валялась круглы сутки
В мягком кресле кирпичом.

Не боялась бы нимало,
Что мужик уйдёт в бега,
Я б вообще не ревновала.
Мужиков-то дофига!

За измены планов мести
Не роила б чумово,
Ведь была б на первом месте
Я для мужа моего!

Брал бы муж меня на ручки
Гладил шерстку и ласкал,
Никакой, представьте, взбучки,
Хоть кажи клыков оскал,

Хоть прорви дыру в диване,
Хоть напирай на ковёр,
Никакой, представьте, брани,
А один умильный вздор.

Мужика б я не корила
Ни за что, помилуй Бог!
Знай, мурлыкала б премило
Или ластилась у ног.

Я б творила, что хотела
И не мучилась виной,
Ведь разборки, знамо дело,
Затевал бы он с женой!

Киской быть, признаюсь, классно,
Ведь, не чувствуя вины,
Можно есть сметану, масло,
Сыр, сгущёнку и блины.

И мужик не скажет: “Здрассьте!
Я тебя не узнаю!
Что-то слишком расползлась ты,
Хватит лопать, мать твою!”
Скажет он совсем напротив,
Глядя прелести рукой:
“Ух, какой у нас животик!
А жирок у нас какой!”

Из цикла «Непрошенные гости»

Уныние

Я не звала, не жаждала принять,
Поверьте, чуть
не лопнула от злости,
Когда Унынье напросилось в гости
Среди вполне безоблачного дня.

Пустой и скучный
с ним мы пили чай,
Всё скудно – сервировка и посуда,
И я сказала: «Шло бы ты отсюда!
Дорогу знаешь, не впервые, чай!»

Лень

Меня сегодня посетила Лень –
Вальяжная и сонная плутовка -
В доверье втёрлась,
как обычно, ловко
И провела со мною целый день.

«Уйди!» - просила вежливо её,
Но Лень слыла
развязной и нахальной -
Присела на кровать,
припёршись в спальню,
И рухнула с ногами на бельё.

Мы рядом провалялась два часа,
Потом смотрели вместе телевизор...
Мне стало страшно –
вдруг попросит визу,
Пропишется, согласья не спрося?

Взяла я в руки самоё себя
И стала гнать негодницу из дома -
Неспешно Лень пошла
к моим знакомым,
По дружбе нашей
прерванной скорбя..

Из цикла «Говорящие вещи»

Зеркало

Всё утро Вы глядели на меня –
Черттили брови, подводили губы...
Себя напрасно, в общем-то, браня,
Вы были и со мной площадно грубы.

Закончили и, прежде чем уйти,
Язык внезапно показали... Жалко!
Я думала, Вы – ангел во плоти,
А Вы, и правда, драная мочалка!

Лифт

В меня вошли Вы нынче поутру,
И этот Ваш дружок.. язык наружу..
Мне показалось, я сейчас помру,
Когда он вновь в углу напрудил лужу!

Трясло всего, я ехал не спеша,
А после встал.. Вопили Вы истошно,
И Ваша псина тоже хороша –
Вдруг кучу наложила, как нарочно!

Вы грудь мою топтали каблуком,
Я весь сомлел от вони и от ора,
Но слышал, как называли м**аком,
Вы, час спустя, пришедшего лифтёра.

Трёхчастная форма

Ты сладко спал.
Тебя целуя в шею,
Грустила я.. и знала, почему -
Мы бурно развивали отношения,
Что стартовали где-то с год тому.

Я знала, оттого была несчастна,
А ты был счастлив,
ибо ты не знал,
Что форма у любви
всегда трёхчастна -
Начало, середина и финал.

Фаина Вольная

(г. Котка)

Отрыв

У меня есть крылья.
И я их иногда надеваю.
Когда мне становится грустно,
Я в небо птицей взмываю.
Я парю над Землёй и вижу
Все изъяны и все ненастья.
А ещё я вижу оттуда,
Кто достоин земного счастья.
В небе нет для меня пищи
И негде воды напиться.
И поэтому очень скоро
Нужно на «землю
спуститься».

Свет Великой Любви

Рядом с Ней нельзя быть иным.
На Неё Он хотел быть похожим.
Узнавая в ней сущность свою,
Он не смог быть
случайным прохожим.
Рядом с Ним нельзя быть иной.
На Него Она стала похожей.
И смогла его так полюбить,
Что не стала случайной прохожей.

Рядом с Ними нам хочется быть,
Свет Великой Любви созерцая!
Рядом с Вами так хочется жить,
В созиданье себя обретая!

Бытие

Я нигде и везде.
Я иду ниоткуда.
Я иду в никуда.
И другой я не буду.
Рассыпаясь, как ртуть,
Я хочу быть повсюду.
Я во всем и ни в чем.
И другой я не буду.
Без тебя и с тобой
Я живу неживая.
Обретая покой,
Я покой нарушаю.

НАИВЫСШИЙ РАЗУМ

В этой жизни разобраться сложно
И прожить легко её нельзя.
Прежде, чем учить кого-то будешь,
Научи чему-нибудь себя.
Не вини друзей своих напрасно,
Пустьками близких не тревожь.
Помни, что помогут в деле ласка,
Доброта, забота и любовь!

Очень часто люди попадают
В плен эмоций и желаний злых.
Очень часто люди забывают
О пороках собственных своих.
И чтоб Вас от этого избавить,
Я напомню ещё раз тебе:
Есть на свете НАИВЫСШИЙ РАЗУМ,
Поскорей открой его в себе.

В это царство нам попасть не просто,
И прежде от грехов освободясь,
Научитесь видеть все прекрасное,
Над пороками людскими вознесая!

Виталий Чапкович

Родился в 1942 году в сибирском городе Боготоле, по образованию врач. Публиковался в журналах «Новый берег» (Копенгаген), «Тетра пова» (Сан-Франциско), «Север» (Карелия), в петербургском альманахе «Мост», журнале «Нева». Имеет музыкальное образование. С 1998 года живет в Финляндии (г. Оулу). В 2005 году стал лауреатом премии «Литературус» (Хельсинки), некоторые рассказы переведены на финский язык. Член Союза художников Финляндии.

Обычный вызов

Строгая красота великого города откровенно красовалась врачу «скорой» своей изнанкой: дворами-колодцами и беспорядочными крутыми лестницами чёрных ходов, в темноте которых приходилось ночью отыскивать нужную дверь. Сергей Дмитриевич, недавно принятый на работу, был направлен как новичок на главную подстанцию-«костоломку», как называли её между собой врачи.

Нашупав в кармане халата, где положено носить согласно инструкции плоскую коробку с препаратами списка «А», наркотики и яды, доктор нажал наугад одну из кнопок многочисленных звонков, в беспорядке облепивших косяк общарпанной двери. Худощавая немолодая женщина впустила его в квартиру. Привела длинным, полутёмным коридором коммуналки, пропитанным запахом бедности, к высокой узкой двери, за которой была небольшая комната. На неопрятной кровати сидел пациент, опираясь руками о край её, и часто, с клокотаньем, хватал раскрытым ртом спёртый воздух с отвратительно-сладковатым запахом гнойной мокроты; тонкая шея его, казалось, уходила в провалы за ключицами.

«...Больной в вынужденной позе... неосознанно включает на вдохе мышцы плечевого пояса... синюшность крыльев носа... землестые глазницы...», - Дмитрий Сергеевич мыл руки на кухне и, сосредоточившись, привычно оценивал состояние пациента. Складывался «букет» предварительного диагноза, в котором бронхоэктазы, эмфизема и астматический статус - ещё не все «цветочки». «А ведь человек не старый...», - отметил Дмитрий Сергеевич про себя.

- Приступ мы купуем, но больной нуждается в плановом стационарном и санаторном лечении, - сказал доктор, отвечая на вопросительный взгляд женщины, подавшей полотенце.

- Да лежал он, сколько уж раз... Подержат неделю - выплывут, а то мест нету. На очередь записан на путёвку, я уж и сама к врачам ходила, плакала.

На худой руке мужчины под тонкой кожей подчёркнуто сосудистый рисунок. Татуировка - полукруг солнца с лучами и надписью «Север». Пальцы с увеличенными суставами и выпуклыми ногтями дрожали...

Дмитрий Сергеевич не мог привыкнуть к страданиям людей и не мог воспринимать их с профессиональным спокойствием. Вот и сейчас, ожидая реакции пациента на введенное в локтевую вену лекарство, он понимал, что это лишь временная мера.

Вскоре дыхание больного нормализовалось, он был в состоянии лечь и отвечать на вопросы, которые задавал доктор, заполняющий бланк вызова.

- Тойво Карху, 1924 года рождения, родился в день смерти Ленина. Я - ингерманландец. Жили мы под Волосово. Отца перед войной выслали в Сибирь, мать устроилась дворничихой в городе. Я в ПТУ учился. Немцы пришли - прибился к партизанам. Болота, лес.

Мужчина приподнялся и взял аэрозольный цилиндр с астмопентом. «Привычка в руках держать, когда говорю», - пояснил он. А говорил он короткими фразами-вехами, отмечавшими жизнь; слово «болота» было произнесено с ударением на последний слог.

«...Полгода не спал под крышей, - продолжал Тойво. - Парень я был здоровый, не зря же моя фамилия переводится с финского как «медведь». Первое ранение в ногу зажило, как на собаке - подорожник прикладывал. Подхватил плеврит, когда переправляли ребята в тыл на попутке. Сразу - в больницу: жидкость из плевры выкачивали. Призывной возраст подошёл - в армию. Там окреп, отъелся. Также за спины не прятался. Да замполит смотрел косо, как следил за мной - фамилия-то у меня... А посылали - головное ограждение, минный коридор. Потом взяли в разведку, ходил старшим группы. В лесу я - как рыба в воде...»

Не прерывая рассказчика, Дмитрий Сергеевич приподнял голову от бумаг. Часто его пациенты хотят, чтоб их просто выслушали. И рассказывают доктору о детях, которые не звонят, о прибавке к пенсии или о полученной поздравительной открытке. Как мало подчас нужно человеку!

А больной вдохнул аэрозольную смесь, откашлялся и перешёл, видимо, к главному.

«В партию я хотел вступить. Правду думал доказывать, про отца тоже... Какой он «опасный» - плотник деревенский. Да и то сказать - вера была. Вера. Только не принимали меня - то ли из-за анкеты, то ли из-за фамилии замполит заявление не брал. И рекомендацию получил от комбата - самостоятельный был мужик, жаль, погиб потом... Так всю войну почти как с клеймом каким себя чувствовал. А когда дело на победу пошло, готовилась Висло-Одерская операция, где-то в августе 44-го бросили нас на Варшавское направление, полякам на выручку.

Городок Остроленка впереди, никогда его не забуду. Надо было немецкие склады боеприпасов демаскировать, зажечь сигнальные костры для наших ночных бомбардировщиков. А это - или немецкая пуля (местность у них пристреляна) или наш осколок... Комбат спрашивает: «Ну, ребята, кто добровольно?» Вышли мы из строя, человек десять. Документы сдавать надо, а я вместе с ними заявление оставил - не вернуться, мол, считайте меня коммунистом. Взяли по две канистры с бензином и пошли за линию фронта. Хорошо лётчики к нашим костеркам приложились! Рвануло, аж земля тряслась. Вернулись мы только вдвоём. Я еле дополз, товарищ помог. Только, наверно, с крупновской сталью в лёгких или с нашими уральскими сувенирами. Представили меня к третьей «Славе».

Комиссован был по ранению уже из Германии. Ну куда? Мать умерла с голоду в блокаду, отца не слышно. Пришёл я в этот дом про мать расспросить кого-нибудь, а тут новая дворничиха молодая живёт в материнской комнате. Выпили, поминули... «Оставайся, говорит, - я тоже одна». Поженились мы по-тихому, живём со своей Зиной мирно».

- Ладно, доктору-то это зачем? - сказала жена.

- Это никому ни за чем, правильно ты говоришь...

- Рассказывайте, у меня есть время - смеялась закончилась, машину я отпустил, - поторопился успокоить супругов Дмитрий Сергеевич. Он, как учили старые профессора, видел в больном человеке, а не болезни. Видно было, что фронтовик говорит правду.

«Устроился я в типографию, там и работал, пока группу не дали. А с лёгкими хуже и хуже, на рентгене они - как булка с изюмом. К врачам ходить надоело - бесполезно. Путёвку в санаторий дают редко, и то сначала наборщикам: у них свинец в руках каждый день. А я - наладчик, вредность не положена, хотя свинцовая пыль та же самая. Забрали меня раз в больницу прямо с работы. Больница старая, ещё земской постройки. Положили в коридоре - жди, говорят, пока место в палате освободится. Питание - только завтра, в точную сводку больных на сегодня я не попал. Капельницу поставили, лежу. И правда - палаты забиты, по восемь-десять коек в каждой, персонала вечером не видно-сестринский пост один. Нянечек нет. Пришли в ночь студенты - санитарями подрабатывали. Подать что, утку, постель поправить - не дозовёшься, надо в карман сунуть. Хорошо, я ходячий. Стоят они, хохочут и курят рядом на лестнице, а я дым не выношу, даже в армии не курил. Стены грязные, сквозняки, свет тусклый, запах... Тоска! Утром - повеселее, по коридору врачи бегают. Вёдра, тряпки, бачки таскают, а то и каталочка, простынная накрытая, проедет. Никто ко мне не подходит, зло меня взяло. Дозвонился до супруги - забери, говорю, меня отсюда. Приехала Зина, провёл её врач в кабинет - вышли скоро, ко мне подходят.

«Ну дак как, - врач говорит, а сам на меня смотрит, как сквозь стекло, - забираете? Тогда распишитесь в истории болезни». Смотрю - сейчас моя Зинка опять расплачется. «Поехали, говорю, домой!». Дома она уж выплакала: «Препараты, врач сказал, дорогие, деньги надо. А что я дам?»

Рассказчик устал. Он лежал неподвижно, закрыв глаза и закинув руку за голову. Намреваясь уйти, Дмитрий Сергеевич поднялся.

- Подождите, доктор. Историю-то саму я не рассказывал, - остановил его пациент. Мне лучше. Утром всегда дышать легче.

Тем временем жена его была на кухне. Оттуда доносилась перебранка, стук посуды. Хлопали дверцы многочисленных шкафов, упал металлический поднос, резко взвизнула кошка. Квартира просыпалась. В коридоре то семенили, то тяжело шаркали шаги. Насмотрелся Дмитрий Сергеевич на коммуналки, где сущность человека не прикрыта самоконтролем поведения. И зачастую вырывается из глубины подсознания беспричинной злобой, жестокостью и мстительностью. Иногда Дмитрию Сергеевичу, пока он мыл руки, опускали в карман халата конверт или давали «вводную» - пациент не простой, а староста квартиры. Раз, дама интеллигентного вида сочла нужным проинформировать доктора, что сделавшая вызов заклятая подруга «ни дня в жизни не работала, в оркестре на арфе играет, и на ней можно возить воду. Здоровая, как лошадь Пржевальского».

«Пошёл я на работу, - продолжал Тойво, приподнявшись и отхлебнув поданный женой чай. - Не выходит у меня из головы порядок этот больничный. И война давно кончилась, пинают нас, да и не только в больнице - за людей, что ли, не считают... Хоть домоуправление возьми, хоть тот же собес. Про путёвку я молчу - всё там у них схвачено, так ни разу и не дали. Её вот жалко. Слез её жалко, - посмотрел он на жену. Из какой конторы ни придёт - плачет. А до войны в техникуме учился, один курс только успела окончить. Потом пошла в дворники - хоть паёк. С моей матерью-то она знакома была. Думал я на войне: жив останусь - заживём! Ну, вот, вот, скоро... При Сталине хоть цены снижались и порядка больше было. Да и про Сталина сейчас такое пишут... Я-то думал, что он и не знал про высылку финнов и карелов, как бы он допустил. Вера у меня была. А там Никита - ни мяса, ни колбасы не купишь. Цены. Хлеб, и тот подорожал. Вся область в город отовариваться ездила. Электрички полные. Всё сметали. Молочко купить - караулить надо и очередь выстоять. А то и не хватит. А мне по моей болезни питание надо, врачи говорили. После ранения в лёгкие в армии даже допаяк получал. Утром оба заняты: жена с метлой, я - к началу смены машины должен опробовать и профилактику сделать. Так вот, машины наладили, время свободное - пристрастился я дореволюционные газеты читать, интересно! На антресоли в типографии подшивки нашёл «Северной пчелы» - «Пчёлки», как её звали старые наборщики. Иногда читал ребятам в перерыве. Объяснения всякие: «Девича с воспитанием и рекомендациями ищет места горничной». «Прошу вблизи Храма Николы вольных песен не петь, особенно в часы службы. О. Настоятель». «Танцевальные вечера. Тапёр. Недорого». - Много всяких. А то: «Куплю суку терьера. Дом Талызина на Лиговке. Абасов, майор». А заметки - хоть плачь, хоть смеяться: «О бедственном положении студентов Его Императорского Высочества Инженерного корпуса путей сообщения». Автор, подписавшийся «Курсистка», сетовал на то, что «Г г. студенты вынуждены довольствоваться завтраком с колбасой и французскою булкой, иногда и без сливочного масла...»

Больной сел на постели. Доктор поразился его памяти и умению говорить. Как бы прочитав его мысли, пациент пояснил: «Я много читал. Книги - на них тоже дефицит был - всегда брал с выбраковки. Отправляют на макулатуру - титул перекошен или лист зажевало. Тогда и классику печатали. Читаю я свою «Пчёлку» как-то и натякаюсь на заметку про знакомую больницу - «Земская ревизия» называется.

Рассказчик помедлил, потом продолжил своё повествование в манере запомнившейся заметки:

«...Котловое довольствие не выдерживает никакой критики! Сортность говядины иногда не соответствует первой категории, а г. прокурор отказал в заведении дела лишь на том основании, что незакладки, видите ли, не установлено! Однако г. Свирко, поставщик, подвергнут штрафным санкциям. Безобразия! Утром был подан остывший чай, булки оказались несвежими, ветчина нарезана накануне вечером. Лекари в скорбных листах не всегда отмечают проводимые процедуры, нарушается режим проветривания палат, в коридоре запах кухни. Более того - дошло до вопиющего нарушения! Господин Кроннер, главный лекарь, распорядился поставить в некоторые палаты пятую койку, но отделился лишь строгим внушением на коллегии».

Посмотрел бы г. земский гласный сейчас на эту больницу! И засела мне в голову мысль: показать заметку секретарю обкома Роданову. По Уставу партии имею право обратиться, не посаждая же меня, думаю. Время не то. Заодно выскажу всё ему крупным шрифтом под абзац и про собес, и про махинации с путёвками и про «платные» лекарства. Хоть на морду его посмотрю, как он это проглотит. На портретах - мы их печатаем - всё руководство партийное как другая порода людей, все физиономии розовенькие, без морщин, как манекены.

Нагладила костюм Зина, галстук завязал - пошёл при параде! Медали на подкаже еле поместились, две «Славы» надел. Ничего я не боюсь - я и в армии замполиту рубанул, один на один: «А ты со мной за линию фронта сходи сначала, а потом рассуждай: достоин-не

достоин! Кровью, говорю, что я пролил, не только рекомендацию написать можно, а и все твои бумаги». Потемнела рожа у него, а что он мне делает? К концу войны особисты уж так по-дурному людей не хватили, разведчики мои меня уважали. С разведкой все считались. А он всё-таки сделал. Пока я в госпитале лежал, придерживал документы на третью «Славу», а потом отметил меня выбывшим - так что я не полный кавалер.

Прихожу. Как в музее, только вахта и ковер на лестнице. Партбилет посмотрели: «А вы по какому вопросу?»

«По личному, к товарищу Роданову». «А вы отдаёте себе отчёт, что товарищ Роданов загружен? Изложите ваше дело в заявлении и оставьте. О результате мы вас оповестим».

«Я во всём отдаю отчёт, необходима личная встреча».

Тут на меня глаза подняли, «иконостас» мой увидел: «Хорошо».

Назначают число, где-то дней через десять. Прихожу. Опять документы, даже и паспорт посмотрели, записали, а потом: «А что у вас в портфеле?»

«Газеты», - говорю. Раскрыл, показал. «Вашим вопросом поручено заняться товарищу Ракитиной, кабинет двести четырнадцать, второй этаж».

Промолчал. Начнём осаду с Ракитиной. Дама она оказалась видная, сразу к делу: «А вы знаете, что директора заводов ожидают приёма товарища Роданова иногда не одну неделю? Думаю, моих полномочий достаточно для решения вашего вопроса» Я на это: «Директора заводов не знают того, что знаю я. Да и товарищ Роданов не поймёт, почему я обратился в Центральный Комитет нашей партии через его голову - не по уставу как будто. А там я приёма добьюсь».

«Нет, увижу я тебя, - думаю, - туз козырный! Я тоже не валет. Командир разведроты - Жуков руку жал». Тут она говорит сухо: «О дате приёма вас известят».

Расписался я в книге и пошёл. Ладно. Жду. За это время пыл мой поостыл, продумал я, что скажу Роданову, про отца тоже. Почитал литературу о депортации. Все наши несуразности, воровство, что знал, привёл в систему. Граф Шереметьев, долго живший в Париже, принимал приехавшего из России князя Румянцева (внука Суворовского сподвижника). «Расскажи, - просит, - как там сейчас, на Руси - матушке, только коротко». Тот ему: «Ротко - воруют! Если что и изменилось, то не в лучшую сторону».

В общем, решил я изложить всё толково, солидно, но на уровне нашей кухни. И стихотворение Надсона Семёна Яковлевича процитировать. Умер он молодым, на двадцать шестом году:

**«Дураки, дураки! Дураки без числа!
Всех родов, величин и мастей.
Словно всех их судьба на заказ создала,
Взяв казённый подряд дураков.
Если б был бы я царь, я б построил им дом
И открыл в нём дурацкий музей.
Разместил бы их всех, по чинам,
За стеклом - в назиданье Державе моей!»**

Рассказчик был в образе, мимика его оживилась, интонация передавала характер персонажей. Он, утомившись, задумался и мелкими глотками пил остывший чай.

«Вот так вызов!» - подумал врач. - Кого только ни встретишь в коммуналке! Умница и не прохиндей. Как же ему помочь? Диагноз и прогноз: год, самое большое, протянет. Его бы в степной санаторий, на кумыс».

«Где-то с месяц ничего не было, я было снова собрался, а тут письмо на казённом бланке и срок, - продолжал Тойво спокойно и медленно; эмоциональный пик был пройден. - Мне как раз хуже стало, в больницу не лёг, приём пропустить боялся. Предупредили: «Аудиенция пять минут». Только напрасно я готовился. Такую мне пилюлю предложили неожиданную, что нервы сдали. Мне и сейчас стыдно за себя, залп холостым оказался. Прихожу - комната, кресло, столик журнальный с телевизором - жду, когда позвонят «пред светлые очи».

Последовала длинная пауза, больной с трудом справлялся с волнением. Всклинув, медленно продолжал: «Загорелся экран. Морда портретная с экрана: «Здравствуйте, я вас слушаю...».

Верите, доктор, друзья на руках умирали - не плакал. А тут что и смог только - заплакать... Вышел я, никто меня не остановил. Паспорт потом забрал с вахты. Сейчас успокоился: «ну, сказал, не сказал, какая разница!? Сам знает, поди, что живём - хуже некуда. Только оно ему надо - все эти собесы наши и путёвки? И про воровство я ему Америку не открыл бы. Только вот веры теперь у меня не стало...»

Тойво приложил ко рту цилиндр с лекарством, глубоко вдохнул и опустил голову на подушку...

Миновал анфиладу дворов с мусорными баками, около которых кучковались собаки, Дмитрий Сергеевич очутился в одном из красивейших проспектов мира. В небо цвета застиранной ниточки врезались классические абрисы золочёных куполов. Ему и самому хотелось заплакать...

Илья Герчиков

Живёт в Израиле, уже 16 лет. Город: Рамат-Ган (что в переводе означает «Сад в горах»)

Врач стоматолог-хирург высшей категории. Кроме основной деятельности занимался литературным и изобразительным творчеством и журналистикой. Публиковался в местной и центральной печати, журнале «Урал», юмористическом журнале «Чаян», альманахах «Грани», «Литературный Иерусалим улыбается» и др., а также ряде юмористических сборников. Включён в хрестоматию «Литература России. Южный Урал» и сборники афоризмов (Москва). Издал две книги афоризмов и карикатур. Участник Международных конкурсов карикатуристов. Победитель XIV тура Конкурса афористов на грам.ру. (Санкт-Петербург). Спецкор журнала «Чаян» (Казань). Заместитель председателя Ассоциации русскоязычных сатириков Израиля.

Морализмы - литературизмы

*Афоризм - жирная мысль на строгой диете.

*Авторами рождаются, соавторами становятся.

*"Бумага всё стерпит", однако не стоит этим злоупотреблять.

*Великая тайна литературной кухни - герой произведения умнее автора.

*Рукописи только в каменном веке не горели.

*Даже при свободе слова... оно - не воробей!

*Выход для не умеющего писать - учить других.

*Если в голову лезут умные мысли, главное - не спугнуть их!

*Если Пегас способен трудиться как ишак, успех поэту гарантирован.

*Если не ведаешь, о чём писать, пиши о неведомом.

*Коли нечего сказать - ничего не попишешь.

*Что бы сочинил Кузьма Прутков, не будь у него таких гениальных соавторов?

*Какой писатель откажется попасть в переплёт, особенно - твердый?!

*Кто бережнее плагиатора донесёт авторский текст до читателей?!

*Кому дано сосчитать, сколько дубов было увенчано лаврами?

*Литературные художества - это ещё не художественная литература.

*Мемуары - самообслуживание славой.

*Не над хозяином ли своим ржёт Пегас?

*Наибольшее количество синонимов - в словаре ненормативной лексики.

*Непечатные выражения, и будучи напечатанными, печатными не становятся.

Юрий Тубольцев
Наш представитель в Германии

1976 г.р. Живёт и работает в Германии (г. Регенсбург).

Получил три высших образования (по специальностям «менеджмент», «психология», «культурология»). Лауреат Третьего международного конкурса «Вся королевская рать», номинация: «Миниатюры и подборки афоризмов». Член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник».

Публиковался в пятнадцати бумажных и в интернет-журналах, а также в различных литературных сборниках.

Футусюр (или заафоризме) или Абсурдология или Абсурдософия

Муравейник

- Можно случайно наступить на муравья, но нельзя случайно наступить на муравейник.

Каркоз

- А почему вороны не чирикают, а каркают? – спросил у мамы воробей
- А у ворон каркоз, – объяснила мама.
- А что такое каркоз? – удивился воробей.
- Это когда хочется чирикать, а все равно каркается, – объяснила мама.

Глупое

- Все глупое – это умное, увеличенное лупой.

Оптимизм

- Если возникла непреодолимость, то ее всегда можно преодолеть внутри себя, – говорила мудрая Муха.

Пузатные

- У всех животных есть животы, поэтому мы и зовем их животными, – говорил мудрый Толстяк.

Парадокс влюбленности

- Если два влюбленных друг в друга человека будут идти по параллельным прямым, они обязательно встретятся.

Куры-дуры

- Куры - дуры, поэтому и не летают, – говорила философствующая Ласточка.

Свобода слова

- У каждого слова есть крылышки, но не все слова окрыляют.

Сберкнижка

- Даже гениальный писатель не напишет сберегательную книжку.

Точный невпазд

- Фраза, сказанная невпазд, часто может придать беседе новый ценный смысл, – говорил мудрый Попугай.

Высшая степень мудрости

- А огого или агага? – спросили у мудреца.
- Угугу! – ответил мудрец.

Напоминание

- Когда-то распятые служило напоминанием о том, что всяк непокорный распят будет.

Бесполезная стихия

- Долг водой не погасишь, – философствовал банкир.

Закон зеркал

- Зеркал без кривизны не бывает.

Думскупецтво

- Всех посещают мысли, но не все оказывают им должный прием.

Омут смысла

- Чем глубже мысль, тем глубже омут, в который она может затянуть.

Мауглиризм

- Искривление души можно выправить правильным искривлением рожи. У нас все счастливы, потому что все кривляются, как надо, – учил людей Маугли.

Мудрая блондинка

- Громкость голоса – важный аргумент в любом споре, – говорила мудрая блондинка.

Рыбалковед

- Еда вкусна, пока не дернут удочку, – философствовал Окунь.

Парадокс окуня

- Сложно зацепиться за крючок, на котором нет еды, – философствовал Окунь.

Фальстартнада

- Каждая новая идея – это фальстарт на пути к идеалу.

Мухопролетаемые окна

- Мухонепролетаемых окон не бывает, – говорила мудрая Муха.

Философская муха

- Влететь в окно или вылететь из окна – это просто быт, наша сверхзадача – понять стекло, – говорила мудрая Муха.

Собачья мудрость

- Когда люди вырубят все леса, все волки станут собаками, – говорил мудрый Собак.

Мухиннада

- Лучше летать по холодной улице, чем попасть в теплый суп, – говорила мудрая Муха.

Необходимый минимум

- Всего одна муха способна испортить целую тарелку супа, – хвалилась мудрая Муха.

Летающая мухософия

Мухософия - это муховоззрение, способ и результат духовного освоения окон, формулирования своего отношения к застеклолю и к стеклу. Как абсолютной оконпроницаемости, так и абсолютной оконнепроницаемости не существует, истина всегда где-то посередине, но мера проницаемости окон относительна, что я и стараюсь показать в цикле миниатюр. Подлетов к окну всегда много, и все они как-то осмысливаются, иногда рационально, иногда иррационально, а иногда и прагматически. Мухософии, несомненно, предшествовала предмухософия, когда окон еще не было. И мухи тогда были другие, и мыслили они по-другому. Но, я бы не сказал, что именно окна сформировали облик современных мух. И я стараюсь это показать в своих сочинениях. Каждый новый подлет мухи к окну - это, несомненно, и новый уровень понимания мухой окон. Если только крылышками махать - далеко не улетишь. Для пролетания в окна, несомненно, мухам нужна мухософия.

Мухи и котлеты неразлучны!

- Я сажусь на котлету снова и снова, потому что абсолютно бесполезно меня с котлеты сгонять, – объясняла мудрая Муха.

Линия жизни

- Линию жизни всегда можно подрисовать, но вот стереть ее, увы, не получается.

Свинство

- Свины бывают только морскими, все остальные свины – свины! – говорила Морская Свинка.

Точкозризм

- Все время смотреть в одну точку нереально, так как точки зрения множественны.

Колебательная сила

- Всегда правильная позиция только у маятника, так как нельзя быть объективным, не колеблясь.

Середина

- Только нужда бывает или большой или маленькой, во всем остальном есть середина.

Закон зеркала

- Оставаясь собой, становишься, как окружающие, становишься, как окружающие, остаешься собой, – говорило Зеркало, глядящееся в другое зеркало.

Качественное пугало

- Если меня одеть от кутюр, тогда вороны, действительно, испугаются, – говорило мудрое пугало.

Прямоглядие

- Правда косоглаза, прямоглядие – это болезнь, – говорил мудрый окулист.

Жучья мудрость

- Мир теплит доброта, – говорил Жук на навозной куче.

Мудрая селедка

- Если соли слишком много, значит тебя засаливают, – говорила мудрая Селедка.

Непутешизм

- если путь овцы не совпадает с путем стада, это еще не значит, что овца непутевая.

Мера примеров

- все наши меры от примеров, но не все примеры в меру.

Людения

- Чем чаще мне мерещатся люди, тем больше я убеждаюсь, что они мне только мерещатся, – философствовало Приведение.

Кулинарная мудрость

- Не каждый ближний люб и вкусен, – говорил мудрый папуас.

Стругамудрие

- Важна не внешняя, а внутренняя отесанность, – говорил мудрый Буратино.

Животные беседы (диалоги)

Два пуза урчали друг с другом

О мире, любви и надежде.

Мудрец слушал пуза и думал

О пище, здоровой и вкусной.

Два пуза друг с другом урчат.

Тяни-толкай

- Без закона всемирного отталкивания не было бы и закона всемирного тяготения.

Смелый колобок

- Мне не страшны палачи! – говорил смелый Колобок.

Мудрый таракан

- Хуже всего быть раздавленным морально, – говорил мудрый Таракан.

Комар-гурман

- А у вас какая группа крови? – спрашивал у всех Комар.

Из пособия по ароматерапии

- Душа тоже пахнет, – говорил мудрый ароматерапевт.

Астролономия

- Двигай звезды, если ты хозяин своей судьбы, – говорил мудрый астролог.

Мнение пожарника

- Некоторые зажигательные слова придается гасить огнетушителями, – говорил мудрый пожарник.

ЛЮБЛЮ УРАЛ

Музыка: Иван Шутов
Слова: Филипп Голубничий

Урал, Урал, твои просторы
Волнуют сердце мне всегда,
Твои леса, озёра, горы
Я не забуду никогда.

Урал, Урал, я с детства знаю
Твоих умельцев-мастеров,
Люблю вершины Таганая,
Огни уральских городов.

Урал, Урал, люблю я Каму,
Когда она плоты несет,
Люблю я над Магниткой пламя,
Люблю уральский наш народ.

Урал, Урал, твои просторы
Волнуют сердце мне всегда,
Твои леса, озёра, горы
Я не забуду никогда

СЕРГЕЙ ТИМОШЕНКО
Писатель, поэт. Краевед (род. 1940г).
Имеет множество публикаций. Издано
несколько книг. Лауреат премии
им. Бирюкова.

Сергей Тимошенко

Царевна горного края
(М.С.Т.)

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
На Урале, говорят,
Есть царевна Синяя.

Вся корона в самоцветах,
Стелет синь сапфир на ней,
Аметисты на браслетах,
Виден блеск иных камней.

В её косах — изумруды,
На груди — жемчужины,
И сиять в них ночью будет
Блеск, луной разбуженный.

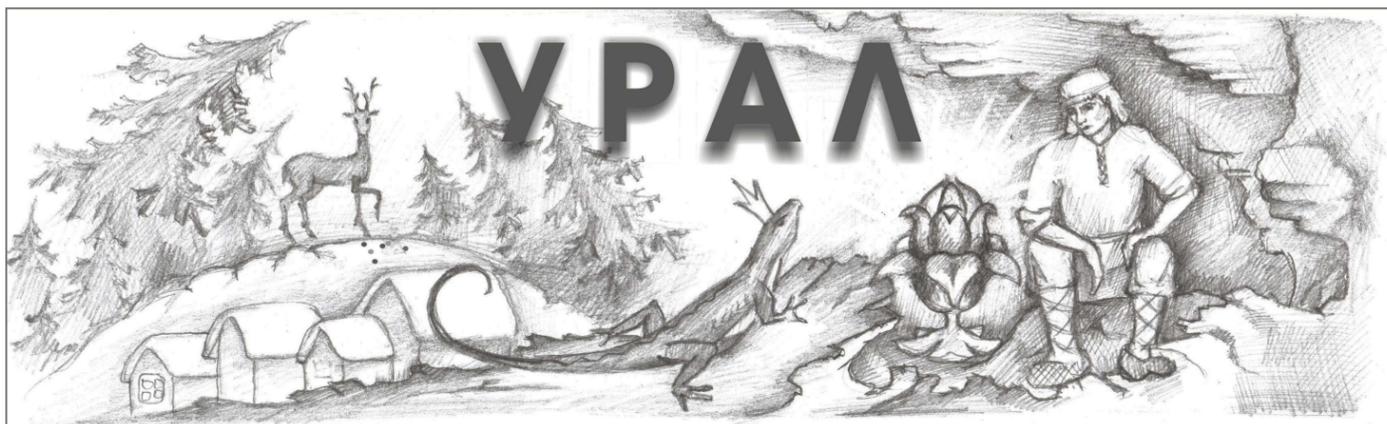
По горам и речкам быстрым,
Пока спит ещё заря,
Рассыпает она искры,
Самоцветами дая.

Всю ночь творятся чудеса,
А с рассветом розовым
Она таится по лесам
Сосновым и берёзовым.

И лишь солнце отразится
На цветах в росиночках,
Успевает дева скрыться
На лесной тропиночке.

Я её увидеть жаждал,
Много лет таил мечту,
А она с рассветом каждым
Превращалась в красоту.

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
Ведь царевна, говорят,
Любит камни синие.

Мой Бажов

Так уж получилось, что творчество Павла Петровича Бажова прошло через всю мою жизнь.

Начну с самого раннего детства.

Лет в пять-шесть я, как и многие дети моего поколения, коллекционировал фантики, обертки от конфет. Фантики были разными. Скромные прозрачные обертки из-под леденцовых и карамельных конфет. Более интересными были фантики, напечатанные на плотной бумаге. Например, обертки от таких конфет, как «Раковые шейки», «Коровка» и другие. Но самыми ценными были фантики от шоколадных конфет типа «Ну-ка, отними!», «Мишка на севере» и т.п.

Однако самыми ценными в своей коллекции я считал фантики, на которых были изображены картины из сказов П.П.Бажова. Все поле таких фантиков было покрыто красивым малахитовым узором, в центре размещалась многоцветная картинка.

С той поры прошло около 65 лет, а перед моими глазами отчетливо стоят фантики «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце», «Каменный цветок». Были и другие фантики с бажовской тематикой, но сейчас я не могу их вспомнить. (В прошлом, 2008 году, в библиотеке им. Белинского в Екатеринбурге проходила выставка этикеток и фантиков XIX и XX веков. Как мне хотелось бы на ней побывать, там наверняка были и дорогие моему сердцу экспонаты!).

А спустя 2-3 года у нас появилась почти настоящая малахитовая шкатулка. Это была шикарная коробка из-под шоколадных конфет, она долго хранилась в нашей семье.

Следующее воспоминание связано с концом 40-х годов. Я, ученик второго класса, болею ангиной. Высокая температура, болит горло. Мама побежала в аптеку за лекарствами.

Через некоторое время она вернулась с таблетками и микстурами. Но не только с ними. Она принесла совершенно роскошную книгу под названием «Малахитовая шкатулка».

Книга была большого формата с замечательными цветными иллюстрациями. Я стал ее жадно читать и - о чудо! - быстро пошел на поправку. На многие годы книга стала моим добрым другом. Я перечитывал бажовские сказки по несколько раз и знал их почти наизусть. Сейчас я понимаю, что это было подарочное юбилейное издание 1949 года, приуроченное к 60-летию Сказочника. Увы, оно оказалось последним прижизненным юбилейным изданием.

Я был совершенно очарован сказами Павла Петровича. Пройдет около 50 лет, я познакомлюсь с его дочерью Ольгой Павловной Бажовой и подарю ей свое стихотворение «Волшебнику», в котором попытался отразить свои детские впечатления.

Сказочник с седою бородою
Был героем тех далеких годов.
Как дружили в детстве мы с тобою,
Наш уральский Андерсен — Бажов!

Заставляя сердце шибче биться,
Я вдыхал особенный Урал.
Мне козел серебряным копытцем
Самоцветьем душу устилал.

Озарял своей живинкой дело
И дарил очередной рассказ.
Зеркало Таюткино глядело
Синими глазами на нас.

И над тихой речкой Северушкой
Вновь висит тумана молоко.
Легкой Огневушкой-Поскакушкой
Ускакало детство далеко.

Но хранится доброе наследство
В старой книжке, сердцу дорогой.
...Вдаль умчалось розовое детство,
Сказочник с седою бородой.

...10 декабря 1950 года мы пришли в школу, и нам сообщили, что Павла Петровича не стало. В школе состоялся траурный митинг, на котором выступали преподаватели и ученики.

Для Свердловска это было общее горе.

Гроб с телом Бажова был выставлен в зале Свердловской филармонии, и горожане получили возможность проститься с Певцом Урала. К Бажову, несмотря на сильный мороз, шли и рабочие уральских заводов, и домохозяйки, и опальный Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, в те годы командовавший тыловым Уральским военным округом...

И эта скорбь была поистине всенародной.

Следующая встреча с Бажовым состоялась осенью 1957 года. Я тогда поступил на химический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького. По существовавшей тогда традиции студентов послали в колхоз на уборку картошки. Однако студентов мужского пола, проживавших в Свердловске, в том числе и меня, оставили в городе на строительстве студенческого общежития по улице Чапаева.

Прямо напротив стройки на углу улиц Чапаева и Большакова стоит одноэтажный домик, в котором несколько десятилетий прожил П.П.Бажов. И вот в течение месяца мы имели возможность видеть и дом, и его обитателей, семью писателя, и сад, и все надворные постройки. Там был и вместительный сеновал, и помещение для коровы, и другие необходимые службы.

Много позднее я узнал, что в годы войны эти постройки были задействованы и сыграли свою роль в развитии творчества многих писателей.

Дело в том, что тыловой Свердловск стал прибежищем для многих писателей. В столице Урала оказались Анна Караваева, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Агния Барто и ряд других литераторов. Все они часто бывали в гостях у Павла Петровича.

А в годы войны Бажовы держали корову. Вот как об этом написал известный свердловский писатель Борис Степанович Рябинин, с которым автор этих строк жил по соседству и имел удовольствие быть знакомым: «На 65-летний юбилей 28 января 1944 г. Бажову подарили корову по кличке Зона, привезли из Нижнего Тагила. Потом, когда миновали трудности с питанием, Бажовы отдали Зону в молочное хозяйство совхоза «Исток». Она хорошо послужила не только семейству Павла Петровича, его внукам, но и всему Союзу писателей. Молоко этой коровы пили все свердловские литераторы. Кто бы и зачем бы ни пришел к Бажовым, в течение всех трудных военных лет, каждого непременно потчевали молоком: на круглом столе в «приемном» уголке кабинета появлялась кринка и кружки. «Испейте, молочко хорошее», — приглашала Валентина Александровна, а на прощание она же обязательно вручит «на дорожку» литр молока. «Только потом бутылку, пожалуйста, верните. С бутылками трудно...» Литр молока в то время — особенно для тех, у кого были дети, — являлся настоящим сокровищем. И для каждого это молоко было также выражением той доброй приветливой атмосферы, которая всегда царил в бажовском доме».

В 1959 году в честь 70-летия П.П. Бажова на плотине городского пруда Свердловска установили бюст писателя работы московского скульптора М.Г. Манизера, и я дважды в день по дороге на химфак и обратно видел проникновенный взгляд писателя, обращенный на акваторию пруда.

В годы моего студенчества Уральский университет располагался в четырех помещениях и, пожалуй, самым примечательным из них было здание по улице 8 Марта, 62.

В 1830-х годах в нем было открыто духовное училище. В разные годы в нем учились писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1866 – 1868), физик Александр Степанович Попов (1871-1873). В 1889-1893 гг. здесь учился, а позднее преподавал Павел Петрович Бажов (1899 -1908).

В советское время трехэтажное здание достроили до шестиэтажного, и в нем располагались гуманитарные факультеты. Кроме того, в здании была кафедра физвоспитания со спортивным залом, кафедра военной подготовки. Поэтому студенты всех факультетов посещали это здание.

В 1958 году после знаменитого Майского пленума, провозгласившего химизацию страны, в здании была размещена лаборатория кафедры высокомолекулярных соединений, в которой мне довелось провести два года на четвертом и пятом курсах, а затем, после двухгодичного перерыва, три года в качестве аспиранта.

Конечно, дух П.П.Бажова незримо витал в этом здании. Ученые филологического факультета много занимались изучением литературного наследия своего знаменитого земляка. С одним из них, автором нескольких монографий о творчестве Бажова Михаилом Адриановичем Батиным, я был знаком, и ученый показывал мне письма писателя.

И, наконец, мои последние воспоминания на бажовскую тему. Первые два года учебы в аспирантуре я не уходил в отпуск, стремясь быстрее выполнить диссертационную работу.

И к окончанию второго года обучения понял, что устал неимоверно, и мне совершенно необходимо отдохнуть. Это с одной стороны. А с другой стороны, я хотел где-нибудь подработать, чтобы хоть немного улучшить свое незавидное материальное положение — родилась дочь, жена не работала, а аспирантская стипендия была так мала.

Трудно было совместить эти мои два желания — отдохнуть и заработать. Но мне это удалось.

Я увидел объявление, что Свердловской турбазе требуются туристы-инструкторы для работы с группами туристов-старшеклассников в походах «По местам сказов Бажова».

К тому времени я был уже довольно квалифицированным туристом — совершил несколько многодневных походов по Уралу, водных путешествий по рекам Чусовая и Ай, плавание по озеру Селигер и несколько других.

И некоторые бажовские места посетил неоднократно — Сысерть, Верхнюю Сысерть, Полевскую, Северский, станции Мраморскую и Сухой Брод и их окрестности. В активе были и озеро Тальков Камень, и Гранатов шурф.

Лето 1966 года я провел в походах. Мы ходили с ребятами в многодневные походы и в перечисленные мной места, и на Марков Камень, и на Азов-гору, и на речку Северушку, и на истоки красавицы Чусовой.

Здесь были чтения сказов Бажова у костра, дежурства у Синюшкина колодца и утренние встречи с Огневушкой-Поскакушкой. При этом наиболее впечатлительные туристы на полном серьезе убеждали своего инструктора, что видели этих персонажей, а также Голубую Змейку и Медной Горы Хозяйку живьем. И только Данилу-мастера не удалось почему-то увидеть никому...

Это были незабываемые походы.

И мне было приятно узнать, что сейчас создан Уральский заповедник «Бажовские места Урала», где можно совершить пешие, санные и конные походы по этим сказочным местам.

В 90-е годы я познакомился с дочерью Павла Петровича Ольгой Павловной, подарил ей свои книги и узнал от нее много интересного о жизни семьи Бажовых.

Мои книги, посвященные творчеству писателя, хранятся в Доме-музее Бажова в Екатеринбурге, в Музее писателей Урала, в Доме-музее в Сысерти.

Это моя скромная лепта в копилку памяти уральского Волшебника.

Марк ЛУЦКИЙ

Детка

(рассказ бабуси)

- Ну, чего ж тебе рассказать-то?.. Вроде, всё уж посказывала... - Бабуся положила вязанье на колени. Задумалась - морщинки заструились по добромому лицу. Поскребла спицей в голове... - Рази что - это...

Сколь время уж прошло, по сих пор помню. - Вдохнула:
- Ну, слушай:

«В подвальну комнату нашего дома сразу после войны вселились муж с женой. Он - военный немалых лет. Осанистый такой, степенный. Она - тростинка, как щас вижу - белоллица дамочка, лет на двадцать моложе.

Одевались они шикарно. Пальта, костюмы дорогие носили. А сколь пла-атъев у неё было... о-ой... не меряно - туфель-лодочек модельных, танкеток всяких! Каждый день - всё новое. И что интересно - бывало, пройдут - так и потянет от них сладким ароматом... м-м-м... так и нохал бы целый день! Сменюсь, конечно! Ну, однем словом - пара славная была. Друг без друга - никуда-ы... не-ет - везде вместе, такие дружные. Ворковали, как два голубочка - он её - «Дунечка», «детка», она его - «папка», иногда «Егор Семёнович».

С людьми обходительные были оба, вежливые - ничё не скажешь.

Служил Егор Семёныч каком-то военным чином. Дунечка книжки раздавала в нашей библиотеке. Жили тихо-культурно. Дома патефонном пластинки играли. Бывало, выйду на улицу, а у их из окон Русланова заливается! И так они ей ладно подпевают... о-ой... Стою под окнами да так сама и затяну... да... А то музыку слушают - не моего понятия.

Летом всё больше они любили гулять на берегу. Наш дом стоял у Мияса*. Бывало, выйду на берег-от - благода-ать! Речка чи-истая, не то, что нынче, искры по воде так и бегут. Вернись, видно было, как рыбёшка итрат-плещется. Кругом трава шелкови-иста... Народ семьями приходил. Вот и Дусянка с мужем облюбовали укромно местечко на полянке, там в свободные дни и отдыхали с утра до ночи...

В выходной, бывало, бегу я ни свет, ни заря от речки с бельём пологанным, а они мне навстречу - на свой лужок... «Доброе утречко, Лидия Александровна!» Прям, любо-дорого было глядеть на обих!

С соседями больно не знались, только - «здрасьте-до свиданья». А вот ко мне Дуся забегала редкий раз, когда мужик на работе чё-нибудь задерживался.

Про себя она сказывала, что жила в приюте. После, будто, работала в больнице де-то и на фельшера маленько училась. Недоучкой - на фронт ушла. С Егор-то Семёнычем там и познакомилась. Он - командир, она - санитарка. Вытащила, будто, его раненого на себе. Спасла. Ну и, как водится - влюбилась, молоденька же. Таких историй тада полно-о было! Отправили его сюды вот - в наш госпиталь. И она следом приехала. А там вскорости и войне конец настал. Да...

Соседских баб, колоченных-то мужьями своими, тех ши-ибко завидки брали. К примеру, Машка-Блевотина - та всё веньгала, дескать, повезло же девке с мужиком - такой обходительный, красивый...»

- Как ты её назвала? - не поняла Надя, - «Блевотина»?.. Фу-у...

- Блевотина и есь! - торопко ответила бабуся. - После скажу - почему ей тако имя дала. - А внучку осадила сердито. - Ты, если хошь дальше слушать - слушай, а нет - тада и не проси сказать чего... - Она, в сердцах, поплевала на узловатую нитку, ссушила её, ловко поддёрнула - клубок весёлым котёнком проскакал под кровать.

- Ладно... больше не буду. - пообещала Надя. - Давай, рассказывай!

«Ага... Ну дак вот, значит... - бабуся сурово посмотрела на внучку из-под очков, продолжила неспешный рассказ:

А в комнатухе наверху жила забулдыжна пара-два сапога.

Он - беркулёзник, нервной такой с рыбьими глазами. Волосёшки белёсы в разные стороны торпоршатся, бородёнка жи-иденька трясётся вся. Мужичошка худуши-ий... ой... в чём тока душа дёржится. Страшно-ой, веришь, краше в гроб кладут, ей богу! А пьяница бы-ыл... несусветной, не гляди, что на ладан дышал. Жена его - хохлушка Машка, - неизъезжена бабёнка, телом была гладкая да белая. Ну, чисто, свишушка-шанюшка! Против Лёньки-то она выглядывала куды лучше! - Чёрны волосы вдоль носу на пробор присобранны да всё колечками. А вокруг головы - косы венцом уложены. Да... обличьем была краси-ива, язвы её! Тока мозги набекрень. А уж зано-озиста-а...

Лёнька шибко ревновал - ак и было за что. Но вот сама ты посуди - кажный божий день у их - гулянка! Каждый день у их друзья-товарищи новья. Напьются до зелёной сопки и как жеребцы давай Маньку шшупать в колидоре-то. Лёнька, бывало, поймат её за косы, намотат косы-те на кулак и ну охаживать, как сидорову козу! «Убью, ядрёна мать!» - орёт. О-ой... Откудаф тока силы брал? А Маньке - всё трын-трава!.. Вернись?

Говаривала я с ей по-соседски не раз-не два - не-е... куды там - в одно ужо влетат - в другое вылетат. Наступат вечер - у их опять веселье - дым коромыслом! Пьют-пьют, бывало,

Манька вылезет в колидор, обрыгаться вся... тут же и свалится. Тьфу, страмота! - бабуся от души сплонула. - Ну, ладно бы мужик, а то баба. За это и прозвала её Блевотиной. А ты говоришь...» - старушка прервала рассказ. Подлевая петли, быстро зашептала: «...пять... девять... шешнацать», - подтянула нитку, заговорила вновь:

«Ну дак вот... отвезли как-то Лёньку в больницу. Всё это время, ты не поверишь, така тишина-аа стояла-а!.. Проходит сколь-то дней, смотрю, бежит Машка ко мне. Села вот эдак, как ты сичас, и давай душу открывать:

«Знаю, тётя Лида, не любишь ты меня...»

«Чай, не гривен, - баю, - чтобы ты любить. А уж, коли, завела разговор, так мои слова такие - вот гляжу я на тебя - прибранная ты красивая. Ну до чего безалаберна-ая... Смотри - Дуня с мужем... А? Как меж собой хорошо ладят! Неуж и тебе неохота жить по-человечьи? А то пьёте - всё никак не напьётеся. Друзей себе таких же шалапутных завели. И где вы их тока находите? Уж истинно - «рыбак рыбака видит издалека».

«Это всё Лёнька... с дружками своими. Ругается, если не привечаю».

И давай Маруся мне балаболить всё про себя.

Узнала я, что сынок у неё есь - с матерью Машкиной де-то на Украине живёт. Любит-де, она его шибко... Растосковалась - слёзы градом покатились.

Ээ... Да бог с ей, с Машкой!

Тут, слышь, стали замечать за Егор Семёнычем неладное. Бывало, выйдет на крыльцо да всё курит на крыльце-то... ку-урит... до-олго так. Потом выйдет за ворота, там стоит, а потом, глядишь... и - нет его! Проходит с полчаса - Дусянка следом на крыльцо встанет, шалёнкой плечи укутат (а на улице-то - теплым-тепло) и всё осматривается. Тоже за ограду выйдем... на завалинку присядет - оттэля озираться...

Как-то бегу я с почты, смотрю - она. Спрашиваю:

«Ты чего, Дуня, неастанная такая?.. Не Егора ли Семёныча высматриваешь?»

«Да...» - молвит.

«Ак я его на главпочте тока что видала...»

Она удивилась, шаль на плечи натягиват:

«Ужин стынет...»

Сколь раз так-то вот одинокой сосёнкой стояла...

Однажды вечерком выхожу в ограду, смотрю, её дверь приоткрыта чё-то, но, вроде, нет никого... А на улице-то уж тёмно. Я - к двери, вдруг ушли, забыли закрыть... Ворья кругом да шарамыжников всяких полно болтаются, ограбят ещё чего доброго. Думаю, закрыть бы надо... Подхожу, слышу - всхлипыват кто-то. Забеспокоилась я ишо пуще. Дверь потянула, через порог зову тихонько:

«Ду-уся... ты до-ома?»

«Я... здесь... - откликатся еле слышно. - Заходите...»

«Ты одна, что ли?.. - шепчу. - А чего сумерничашь-то?»

Зашла я, свет включила. Она сидит на койке с подушкой мокрой в обнимку, красным носом шмыгат.

«Эээ... да ты никак ревёшь?.. - подседа к ней, - Обидел кто ли чё ли?»

«Обидел... - скулит. - Папка... бросил... В Москву уехал...»

«Как в Москву?! - ахнула я, - Нич-чё не понимаю...»

«Что уж... понимать - горюнятся девка, - у него... семья там...»

«Эва!.. Как оно крутнулось-то...» - удивилась я. А Дуня мямлит, слова со слюнями глотат:

«Насовсем уехал...» - Да так ревмя и заревела. Вернись, как дитё малое.

И уж так мне её жалко стало - сама с ней чуть, было, не заголосила, ей богу!

Кой-как успокоилась бабёнка и рассказала, что Егор Семёныч, на фронт уходя, оставил жену с тремя ребятышками. С войны-де, им весточки слал, пока с Дунечкой не познакомился. Потом - госпиталь, да вот - жизнь совместная.

Сразу-де, хорошо было... А после Егор Семёныч ночами перестал спать. Взялся письма семье писать. На главпочте получал ответы. Дуня находила кой-какие конвертики да потихонько почитывала. Из писем узнала, что жена, вроде как, заболела. То ли врёт, дескать, то ли правду говорит. Но... правда-неправда, а уехал мужик. Да...

Сунула девка носом мне в грудь и давай слезами-соплями обливат.

«А ты раньше-то знала, что он семейный?» - спрашиваю, сама ей волосы прибираю-приглаживаю.

«Знала... - говорит. - Да не то обидно, что уехал... Обидно, что... молчком вещи свои взял, не попрощался даже... - сердает Дуня... - Лидия Александровна, Вы подумайте, ведь всю войну вместе... Вместе от смерти... - она не договорила, платочек шёлковой закусила, головой замотала. - Папка берёт меня от всех напастей... Думала, накрепко связаны... И вот... пожалуйста... - она промокнула глаза, нос. - Не знаю, как теперь жить буду... без него... Не смогу, ведь...»

Но вот проревелась властью, замолчала и... вдруг её, ровно, кто в бок двинул! - Обхватила меня руками крепко, затормошила; глаза сделались сумашедшими! Вернись-нет, я ажно испугалась.

«Тётя Лида, подсобите! - зеват. - Воротите его! Вы можете... я знаю...» - Слышь, на ворожбу мою намекат. «Э-э-э, дева... не пойдёт така канитель...», - думаю. Отсторонила её от себя.

«Нет, - отвечаю, - не могу! - А сама вижу, чем дольше бабу жалеть, тем хуже для неё. - Ничё ты, Дуся, не знаешь, - говорю, - потому, как разуменьем мы разошлись. Ты жизнь видишь

так, я - по-другому. Послушай меня, деушка, и погоди сопки мотать. То не горе, что тебе трудн. Горе детям без отца скитаться. Ведь ежлиф раздуматься, а ну как в самом деле мужик-от к большой жене и детикам поехал? А-а... то-то и оно... А про ворожбу тебе одно скажу - притянешь Егор Семёныча силком да потом не углядишь, как оно повернёт-то после... Опасное это занятие. Ушёл - назад уж не зови - обратного хода нету, запомни, Дуня. Господь посылат человеку всячески испытанья. Вот и тебе, видать, пришла пора.»

«Сколь же можно испытывать-то, - орёт, - а война - не испытанье?»

«Война, - баю, - она всем испытанье. А тут - другое... тебя одной касатся.»

Ой-ё-ёченьки... Ну чё сказать? - Горе съедало девку прям на глазах. За одну ночь осунулась, постарела... Глаза нехорошо засмотрели. Успокаивала её как умела. Ак и чем тут поможешь окромя слов-то? Приворотами я не занимаюсь, а и занималась бы - никогда не пошла бы на тако дело... не-ет... - бабуся на минуту задумалась...

Ну и чё ж... осталась Дусянка, как перет, одна - ни девка, ни баба, ни мужняя жена. Одинокая жизнь гнала её к людям, да не к тем... и не в ту сторону...

Ко мне-то она уж не стала захаживать, видать, обиделась ли чего... И то - какой ей со мной интерес?..

А вот к Машке-Блевотине шнырять заповалилась - её, как бы жалеючи, вином угощали. Она первой-то туды бегала тайко, а потом и во все в открытую. Ну и дошло до того, что там стала днеть и ночевать. Вернись, чуть глаза продерёт и - к ним. Я сколь раз замечала.

И закутилась, заплясала беспутна Дусянкина жизнь...

Ночью - веселье, днём, как говорится, тяжёло похмелёе. Раз на работу не вышла - проспала, два... Потом и вовси забросила службу.

А новоиспечённые друзья-приятели, слышь, быстро взяли Дуньку в оборот. Тянули-распродавали её вещи под пьяный шум-гам, благо, на что позариться было. Повыгаскали бы-стрёхонько, повынесли на «хитрый рынок» всё подчистую. Оставили голую комнатёнку. Ширмачи и только...

Как-то встряла я - хотела остановить, усоствить двух жуликов мордатых с Дуськиной свитрой да патефоном. Куды-ы там к чёрту - думала, убьют! Да...

Ну и, слышь, туды Дуськино добро несут, обратно - полную сумку бутылко. А уж када распродали всё, брагу взялись глушить.

Люду, бывало, понабётся в Манькину клетушку... Послетятся все, как мухи к навозу!

И Дусянка в шалмане энтот своё горе заливат. Блевотина там же крутится. О-ой... Пыхтят махрой цельными днями - дверь в колидор откуют! - сизый дым так и поваалит... Мы ходим - кашляем-ругамся, а им -хоть бы хны! - песни горланят... как шас слышу - «И на дно её бросают в набежавшую волну!»

Они - себе зевают, а собачонка (Кукла у их собачонка была) - та себе вижжит-заливатся... Содом да и только! Да...

Дуська подоплёт, бывало - бежит на берег - на поляну свою. А то, как нажрётся до бессознательности, вытнут мужики её в колидор из сарахохи-то из Машкиной чуть ни нагишом... так и бросат у входа... Она, бедняга, валится там в холоде, как в вытрезвилкове. Морду, бывало, в грязный пол уткнёт и выть начинат: «Па-а-апка, за что...». Обфурится, обрыгаться вся, страмота и только! А када и с Машкой напару морозятся.

Ребятёшки ходят через их, спотыкаются. Тарашутся, смеются. Тьфу...

А то... сколь раз бывало бражники-то, слышь, разадорят себя пойлом, повываляются в колидор и айда спорить! Все краснорожия... о-ой... Раздерутся-перессорятся, крик, галдёж, мат-перемат! Бывало и Дуську напонукают как следует - та ходит опухшая, в синяках. И Маньке наподдают за компанью... Милиция всех в околоток увезёт, а я Дусянку тихонько к себе утащу.

Тяну её, бывало, да приговариваю: «...нагайкой бы тебя да по голой заднице поохаживать...»

Ну дак и в самом-то деле, за короткой срок, ты не поверишь, молодая пригожая женщина превратилась в сизую щепину. Пораскросились, повыпали зубы, курить-смердитъ взялась. Войну прошла - не закурила, а тут... Просто беда, ей богу...

Она выспитая-окематся маленько, я её и давай уму-разуму учить да уговаривать:

«Слышь-ка, дева, не дело топить горе в энтой отраве. Ты одна ли чё ли... брошена-то жена? Время тако - баб полно, мужиков нету. А ну как все кинуты жёны запьют?.. Ты погляди на себя - неужели перед людьми не стыдно, а? - рожка неумыта, башка нечёсана... Чего ты нарядилась в это рваньё, чувьяки стоптаны напялила? Ведь лихо глядеть на тебя, честное слово... Оденься красиво, кудело расчеси... Ты вспомни, какой мамзелью-то была... Работать бы пошла... зовут ведь. И пару найдёшь себе - О-ой...да ишо какого парня-то отхваташи!.. А так... мыслимо ли дело - жить такую вестить!..»

Ты кого в приятели-то выбрала? Ну развиж она тебе ровня - умной, красивой женщине. Остепенись, отойди от злыдней энтих. Помяни меня, Дуня, не кончатся добром твои гулянки-вечёрки. Наладь жизнь, пока не поздно! А нет - дак себя и вини... А ведь делов-то всего - забыть дорогу к Блевотине энтой!»

Она слушат, вроде, соглашатся - вроде, как и стыдно ей делатся.

Ну вот так, помню, поругаюсь, а наутро, вернись-нет, она опять бежит к Машке, и опять

у их - дым коромыслом! Веселье. Грязища, во-нища...

А то и так бывало - ночью пьют-пьют, а утром Блевотина летит, раскормаченная вся, как шишига:

«Тётя Лида, дай на хлеб Христа ради! Лёнька жрать хочет, ругается...» - Слышь, и ведь не стыдно просить!

«Щас! - говорю, - открывай карман шире... Я тебе денег дам, а ты в шинок помчися! Вы чё же всё по займам-то бегаете? - спрашиваю, - Работать надо как люди, а не поллитры шобишь... Ох, Манька... будет те канителиться-то со своим забулдыгой, ежлиф он тебя, как ты говоришь, спаиват да дружок-алкашей велит привечать. Оставь его не то...» -

Та квасится, трясёт хмельными губами. «Не могу-де... жалко... ведь он - плохой совсем, должно, помрёт скоро...»

«Большой, говорю, - а пьёт в три горла, и ты - туды же... Лечиться ему надо, а не четушки считать! А ты-тоже хороша птица... и-эх... Вон и Дусянку к себе привадили... Пропадат она с вами. Неуж не жалко бабу-то? Погляди-ка, чё вы с ей сделали?»

«Ох, яс-ное море, а! - шлётат Манька себя по ляжке. - А чёй-то мы с ней такого сделали? - спрашиват да зло эдак, ровно, дразнится, - Скажи-ите на ми-илость, жа-алость какая! Никто её не держит! Поди, не дитё малое, неразумное - пусть не ходит...» - и как рассмеётся-закашляется прям в харю мне, слышь?

«Фу, отвороти рожу-то, перегаром разит за версту», - говорю ей, сама отворачиваюсь. Манька кулаком рот-от зажимат, меня спрашиват:

- «Ну дак чё, не дашь денег-то что ли?»

Представилась? Говорила-говорила ей ндравоченья... А-ай, всё-пустое...

- «Не дам. - отвечаю. - Давеча тебя предупреждала - даю последний раз... Всё, хватит!»

Вдруг Машка-то, слышь, со стула как повалится на пол промез койками!.. (Комнатуха у нас была совсем тесная - только и помещались, что две кровати да стол). Уцепилась руками за ножки коек-то. Посинела вся, глаза закатили, ноги скёт... Страх божий... Заскрипела зубами. Широко рот-от разеват, как рыба воздух хватат. Кровати ходуном заходили. А изо рта пена клубами как поваалит... вернись? Та-ак я перепугалась! Лежит она вся в пене, как рыба в шубе. Волосы слиплись... Мать честна-ая! Хотела, было, я в наш госпиталь бежать за докторами, но тут вскорости пена вышла, дыханье сровнялось. Машка глаза открыла...

«Э-э... девка, да у тебя падучая... - говорю. - Чё ж ты делашь-то с собой, а, Манька? Ну тебе ли пить, язвило бы тебя в душу? Тебе же лечиться надо, а ты... А-ай... вам хоть заговорись...» - подосадовала я уж в который раз.

Вот те и бабы... Мне Маньку нискол не жалко, вернись? А Дуняшка... та всё перед глазами мерещится... да... - Бабуся обхватила подбородок ладонью. Замолчала, глядя в одну точку, закачала головой... Встрепенулась, тихо заговорила:

«Ну и тот раз, вернись, как шас вижу, валится Дуська в колидоре, я подошла - так и остолбенела - она приподнялась на руках, как ящерка, трясётся, жилы на шее верёвками обозначились, глаза выпучились - вроде молоком обились. Ох... не скоро ещё забуду я те оловянные глаза. Да... Развезло её, мычит себе под нос чего-то, слова застреют - горло затыкают. Мотат кудлатой башкой, силится чё-то сказать - не пойму никак. Разбираю тока - «Тётя Лида...». Но вот она вытолкала слова-те из глотки... и слышу, вроде, шепчет - «тошно мне... не могу больше». Рот скривила. Ишо чё-то сказать хоровила - я так и не разобрала. Помню, проворчала ей, дескать, у меня один сказ - «Не можешь - не ходи туды, сколь уж говорёно- переговорёно...» Тебя кулаком-де, к ним никто не тянет, права, мол, Блевотина-то.

«А-а... чё с тобой сичас без толку рассусоливат... теперь уж завтри - на тверзую голову...» - отмахнулась я, помню. Опять её к себе притащила, уложила спать.

А назавтри спозаранку нашли её мальчишки уже холодную на заветной полянке у речки.

Вернись, как на духу говорю - даже не слышала, как она ушла... ночью должно... не знаю... брехать не буду... «

- Ну вот и всё... - бабуся, кивнула горестно. - Жалко девку, конечно, да и себя корю - не удержала, дурья башка...

- Ну а Манька... «Блевотина» с мужем как?

- Блевотина и есь... «Как-как»... Как должно и быть... Мужик околел, царство Небесное, не к ночи будь помянутый, - бабуся перекрестилась, - Сколь же пить-то можно? Здоровому невмоготу столь дерьма в себя вливать, а он больной был. Ну а Машка... та домой на Украину уехала, к ребетёнку. Письмо высылала с карточкой. Да ты видала карточку-то.

Эх... жизнь... К кому каком боком повернётся. А ты говоришь... - старушка покачала головой, - И всё эта пьянка чёртова, сколь жизней загубила! Страшней любой войны, ей богу!.. Но кто бы чего там ни говорил, скажу одно: всё ж-таки человек - сам себе командир. - Бабуся вытянула из-под кровати клубок - беспальный носок закутилась, запрыгал на спицах.

Тамара МОСКАЛЁВА

* Мияс - Миасс - река в Челябинске.

Как я полюбил рыбалку

До чего ж я в детстве любил в каникулы ездить на дедову родину - село Бобраву! Все мне там нравилось: и как говорили на смеси русского с украинским (там до Украины совсем недалеко), и как я с пацанами лазил на шелковицу (мне, уральцу, было в диковинку на одном дереве видеть разного цвета ягоды сразу), и как купались в ставке - небольшом и неглубоком прудке, у плотины речки Бобравки. Но особенно мне пришлось по душе рыбалка! Представляете, прудок начинался прямо за огородом, сядешь с куском хлеба на мостках с орешниковой удочкой и таскаешь карпов в локоть величиной!

В тот мой приезд, о котором я и начал рассказ, мне было лет десять.

Еще во дворе стояли чемоданы и дед с бабушкой здоровались с многочисленной родней, а я уже со Степкой, своим то ли троюродным братом, то ли четверюродным, бежал с удочками на ставок, предварительно сменив «цивильный» наряд на домашнюю одежду. Удача нам способствовала необычайно! Карпы готовы были хватать голый крючок. Ох, и счастье мне привалило в тот раз! Огромный, как казалось, карп чуть меня с мостков в воду не затащил, ладно Степка свою удочку бросил и помог. Во двор мы возвращались гордые своим уловом! У каждого на ивовом кукане по шесть карпов, а мой последний - самый большой!

И надо же было так случиться, что именно в этот момент вошла во двор с коробкой в руках бабушка Василиха (ее все так звали). В той коробке у нее были трехдневные цыплята, которых она по доброте своей принесла соседям. Старушка неловко задела своей ношей калитку, уворачиваясь от щенка, и все желтенькие шарики высыпались на землю! Что тут началось! Все, кто был во дворе кинулись ловить эту мелочь.

Мы со Степкой беззаботно бросили свою рыбу возле крыльца и включились в охоту. На шум и смех во двор набегали еще соседи. Когда всех нечаянных беглецов изловили и поместили в небольшой загончик, толпа добровольных помощников и просто соглядатаев поредела. Вот тут-то решили мы со Степкой похвалиться своей добычей. Глядим, а самого-то большого карпа с моего кукана и нет! Я - в рёв, и поверьте, не стыдно было плакать на всю улицу. Степка

божится, что не брал карпа, так как ловил цыплят. Тетушка Валентина, хозяйка дома, давай вспоминать, кто из соседских ребяташек был во время переполоха во дворе:

- Генька Павлинин, Иваська Мыколы брат, сам Мыкола.... Та, кто из них на чужую рыбу позарился?

В это время пришел на обед с работы старший брат Степки Василь. Узнав в чем дело, он сначала подошел к крыльцу, внимательно осмотрел кукан, само место, где лежала рыба. Потом позвал меня:

- Сейчас мы воришку найдем, не реви.

- А как найдем-то, - все еще всхлипывал я.

- А ты посмотри внимательно. Видишь, край веточки надгрызен, а от крыльца полоса тянется, - обратил мое внимание на странный след Василь.

- Будто волокли кого, - догадался Степка.

Пошли мы все по следу. Тянулся он от крыльца вдоль дома до заплота.

- Смотри чешуйки! - закричал глазастый Степка.

- Точно. Тут твоего карпа есть начали, - подтвердил его брат.

Я снова захныкал.

- Да, не переживай ты так, еще пойдем, найдем, - обнял меня Степка.

Пошли мы дальше по следу, который привел нас к коморе (ну, это сарай такой на столбах, где зерно хранили). Заглянули мы под комору и расхохотались: в самом центре под сараем сидела кошка и ела моего карпа! Когда мы попробовали кошку достать палкой, она только зло зашипела. Но, что самое удивительное в этом происшествии - кошка была размером с карпа! И ведь сумела его протаскать почти через весь двор и под коморой слопать!

Воришку-то мы нашли, но сворованного карпа спасти не смогли. Да и кошка нам потом дня два на глаза не показывалась, а мы и забыли о ней. Мало ли дел у мальчишек летом в деревне!

Именно благодаря этому случаю, заставившему оценить важность потери улова, я крепко полюбил рыбалку, правда, таких здоровых рыбин мне ловить больше не доводилось...

Надежда СЕРГЕЕВА

но климат быстро изменился,
я песни грустные запел.
В душе огарок, а не пламень -
одни подарки, жизнь в посте,
себя продал за лунный камень
и больше нет меня нигде!

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВА

Родилась в г.Каменске-Уральском. Окончила Уральский гос. университет им. А. М. Горького. С 1992 г. Работает социологом и педагогом-психологом. Серьезно пишет с 2004 г. Имеет публикации в газетах, журналах, альманахах г. Богданович, Каменск, Череповец, Шадринск и др («Народное слово», «Панацея», «Юнона и авоська», «Нахаленок», «Жемчужина Зауралья», в изд-ве «Урал» и др.)

Из детства все мы родом:
Здесь начинаем путь.
Мудреем с каждым годом
И постигаем суть:

Что истинно, что ложно,
Что правда, что обман,
Что примитивно, сложно,
И наша жизнь - роман,

Где главные герои
Есть только мы с тобой,
Небезупречны роли
И вероятна боль.

Мы постигаем тайны
В безверии скользя,
И узнаем случайно
Запретный плод «нельзя».

Нам хочется, нам можно,
Нам это суждено...
А на душе - тревожно,
И детство лишь одно.

* * *

Увядают листья в старом парке,
В хаотичности кружатся над землей.
Это осень раздает подарки:
Рыжий цвет - сияй, живи, постой...

Позднего тепла смакуй объятие -
В быстротечности оно вот-вот уйдет,
Опадает сотканное платье
Зарева деревьев сразу, влёт.

И насмешливо нагонит ветер тучи.
Вдруг закапает, затем сильней польет.
Сказку мигом смоем дождь могучий,
Создавая множество хлопот.

* * *

Когда в доме, в двухкомнатном уюте,
Под свет старинного торшера,
Звучит знакомая прелюдия,
Слова твои принять на веру

Не сложно. Вычурными линиями
Они окутывают в облако
И манят сумраками длинными,
Поют незримыми истоками.

Вокруг лишь тихая замедленность
Снимает миг на жизнепленку.
Мелькает разума уверенность,
Сжимая мячик-сердце долго.

ЛЕВ БОНДАРЕВСКИЙ

Поэт. Родился в 1935 году в Челябинске. Там учился, работал, вышел на пенсию. Параллельно с учёбой и работой сочинял в записные книжки. Окончил аспирантуру в Свердловске и защитился по энергетической специальности. Занимается переводами с польского. Много печатается на литературных интернет-сайтах. В 2002г. увидел свет сборник избранного «Поверх заборов»

Порою сенокосной

Порою сенокосной
я, городской пижон,
пройду травую росной,
красою поражён.
Пройду простоволосый
серьёзный и босой
не частный, не колхозный,
с тяжёлою косой.
На северо-востоке
зардеет синева,
и травы лягут в строки,
послушней, чем слова.

* * *

А вот и вид аляповатый:
Вишнёвый садик возле хаты,
Крестьянин, крот подслеповатый,
Стоит с лопатой в руке.
Бежит собачка, хвост в колечко,
Над домом дым стоит, как свечка,
За тополями недалечко
Струится речка в лозняке.
Белеют вишни в цвете вешнем,
Пишат скворчата по скворешням,
И всё таким надёжным, здешним
Разнеженный ласкает глаз!
Пастух играет на жалейке,
Водичка капает из лейки,
На солнцепёке на скамейке
Дед в телогрейке и матрас.

НАДЕЖДА СМИРНОВА

Родилась в г. Свердловске. Автор четырех поэтических сборников: «Раскинуть руки и - лететь...» (2001г.), «Не спалось душе моей...» (2005г.), «Чем жива душа» (2006г.), «Как медленно я шла сама к себе» (2008г.).

Финалист Всероссийской премии им. П.П. Бажова, 2008 г. Лауреат Всероссийской поэтической премии 2009 г. в г. Ульяновске. Член Союза писателей России.

Мы возвращались из посёлка
по темноте. А на пути
привычные сосна и ёлка,
которой сотню лет расти,
чтобы сравняться с той сосною.

И вдруг безмолвие лесное
от крика полусонной птицы
представило ещё веселей,
заставило заторопиться,
когда незримо дрогнул комель,
как будто верх сосны надломлен...

Невольный страх или прохлада
принудили так близко рядом
шагать и говорить о том,
что лес кончается... Но дом
с весёлым блеском жёлтых глаз
далёким был, ненастоящим...

И только неба мир неспящий
со всех сторон смотрел на нас...

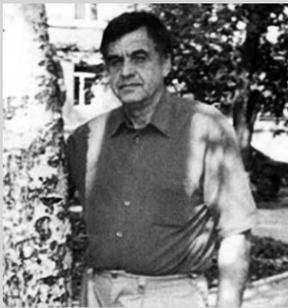

ЕКАТЕРИНА ШЕМЯКИНА

г.Екатеринбург. Школьница. Член Международного Союза писателей «Новый Современник», лауреат Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» (номинац. «Сказка», «Военно-патриотическая проза», «Фото» (2006-2007)). Победитель Всероссийских и международных конкурсов и фестивалей литературного творчества. Награждена медалью Всероссийского Творческого объединения «Друзья Буратино» за достижения в области культуры, искусства и литературы, Золотым Знаком «Звезда Ампары» общественной организации «Звезды ВнеЗемелья». Окончила музыкальную школу.

Дождь шепчет каждому из нас

Дождь шепчет каждому из нас
Свои, особенные тайны.
Стакато мерно отстучат
По гулким серым крышам капли.
Дождь смажет города пейзаж -
Как мокрой кистью по бумаге,
И в лужах видимый мираж
Пойдёт неспешными кругами.
Сквозь вату тёмных хмурых туч
Над городом уставший плакат
Дождь ожидает солнца луч,
Чтоб в брызгах радости растаять...

ВЛАДИСЛАВ НОВИЧКОВ

Род. в 1954 году. Живёт и работает врачом психиатром в Перми. Стихи пишет с 1999 года. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», готовится к публикации в альманахе «Золотая строфа 2009». Несколько поэтических сборников приняты в фонд Краевой библиотеки им. Горького. Лауреат конкурса поэтов г. Перми 2006г. (памяти Б.Пастернака).

Первый снег

Снился сон беспокойный, ночной
(видно в руку - проснулись метели)
сам Саврасов качал головой:
-А грачи-то мои улетели!-
Промолчу про мытье и бритье
и как ем я под утро вполсилы.
Ждет в больнице людское нытье:
-Пожалели б меня, крокодилы!-
Снова слышу калитки фальцет:
-Потерпи, дорогая подруга!-
Утыкаясь ноздрями в штиблет,
ищет логово первая выюга.
Черт талдычит:
-Иди попоздней, ведь твой шеф
за бугром загорает
На автобусной - толпы людей,
знать, пилоты козла забивают!
Ничего, был бы мир на Земле,
а от кризисов мы не заблеем.
И Россия моя не во мгле,
а от первого снега белее.

Пропал

Есть паспорт -
разведен, прописан,
Медвежий угол адрес мой,
родился кроликом, не лисом,
но сдуру встретился с лисой.
За ум я в рыжую впобился
и в норке теплой соловел,

ТАТЬЯНА СТРОГАНОВА

Журналист. Выпускница ЧелГУ, член Союза журналистов России с 92-го года. 1991-2009 работала в газете «Вечерний Челябинск» (корреспондент, редактор отдела, главный редактор). Дважды награждена Почетной грамотой губернатора Челябинской области (1998 и 2009 гг.). Удостоена почетного знака Союза журналистов РФ «За заслуги перед профессиональным сообществом». Лауреат всероссийского, областных и городских конкурсов на лучшую журналистскую работу. Имеет множество наград, дипломов и благодарностей за большой вклад в развитие журналистики. С 2009 года работает фрилансером, занимается интернет-колонистикой и веб-журналистикой.

Призрак бродит по планете?

Призрак с протянутой рукой...

Заявление российского премьера о том, что пик кризиса преодолён, вселило надежду. Между тем, страшным словом на букву «к» нас продолжают пугать, как детей бабайкой. «В Америке голодают миллионы», «Власти США разворачивают новую программу «Накорми соседа», «Недоедание и голод - обычные вещи для американских пенсионеров и семей с детьми»... Эти фразы интернет-ресурсов навевают депрессию. «Раз уж «там» всё так запущено, то нам-то и подавно совсем плохо будет», - дрожит российский читатель, готовя полку для зубов.

Но... что-то тут не так. Как-то не складывается мозаика, пазлов не хватает. В поисках истины решила обратиться к американским и европейским «живым» информисточникам. Наши бывшие соотечественники любезно согласились прокомментировать экономическое положение стран, в которых теперь проживают. Картина жуткого кризиса, якобы шагающего по планете, оказалась весьма интересной.

Канада. Евгений ВАЗИЕВ, рабочий завода V.A.N. PRECISION INC (Торонто):

- Возросла безработица. Впрочем, как и везде. Но безработные получают пособия. О голодающих не слышал. Соседей тоже никто кормить не хочет. А вот программы, предлагающие получить другую профессию, здесь есть. Они оплачиваются государством, но искать работу ты должен всё равно сам. Есть так называемые «фуд-банки» (от слова «еда»). Надо взять справку, свидетельствующую, что у тебя нет денежного счёта в банке. Тогда в этом банке тебе дадут продуктовый набор. Впрочем, это, кажется, было и до кризиса. Я больше ничем особо и не интересовался, времени на всё не хватало. Работать приходится очень много.

Чехия. Светлана ЛАПТИЙ, хозяйка ресторана (Прага):

- Честно говоря, насчёт борьбы с голодом в Америке не совсем верю. Это явный бред российских СМИ. Если почитать СМИ американские, ничего подобного не найдёшь. Во-первых, в Америке всё очень дешево. Там продовольствие стоит копейки, так же как и все остальные товары. Это я со всей ответственностью могу сказать. У нас почти постоянно кто-нибудь ездит в Америку. Кроме того, там живёт много чехов, они тоже сюда при-

езжают, рассказывают. В Европе сейчас несколько иной тренд. Здесь пытаются бороться с излишним потреблением продуктов. Недавно англичане приняли закон, который запрещает торговцам использовать рекламный трюк, предусматривающий продажу двух продуктов по цене одного. Просто потому, что потом выбрасывается много продовольствия. В Чехии сейчас на рассмотрении в парламенте находится закон, запрещающий продавать продукты по цене ниже той, по которой они были закуплены. Теперь что касается кризиса... Это на самом деле вопрос непростой. Тут всё дело в разнице менталитетов русских и европейцев. Официально здесь нет таких диких цифр падения объёмов производства, но всё познаётся в сравнении. Один из самых главных объёмов падения - конечно, снижение потока туристов (на 22 процента). Таковы официальные данные. За собой это повлекло снижение посещаемости ресторанов, которые были расположены в туристических районах. Различные службы потеряли десять процентов объёма оказываемых услуг. Это тоже официальные данные. В нашем ресторане выручка упала в три раза. Но это без учёта сезонного фактора, а с его учётом она упала на 30 процентов. То же, конечно, много. И вот это уже непосредственное влияние кризиса. Любопытная деталь: сезоны у России и Европы не совпадают, в России всё наоборот. Но самое главное, они уже настолько привыкли жить в относительно благополучном обществе потребления, что, на взгляд русского человека, у них в принципе никакого кризиса и нет почти. Просто экономят любым способом, какой только в голову придёт.

Германия. Жанна ЗЕЙБ, медицинский работник (Аудерат):

- Самое актуальное проявление кризиса в Германии - безработица. Всё больше мелких и больших предприятий закрывают или переносят производство за границу, где рабочая сила намного дешевле. Например, NOKIA переехала в Румынию, что с OPEL происходит, знает весь мир. Но это крупные фирмы, они ещё и поддержку государства получают. А маленькие фирмы не поддерживают. Государству до них дела нет, это же ещё и политика. Ну а страдают, конечно, семьи. Если оба родителя потеряли работу, живут на «социалку». При этом на многих «висят» кредиты, многим не хватает на еду и одежду. Здесь есть от Красного

Креста и католической организации «Каритас» пункты, куда люди могут сдать одежду. Я сама сдаю туда вещи, которые ещё хорошие, но носить уже не хочется. За символическую плату нуждающиеся могут там вещи взять.

Также есть благотворительные пункты задачи питания. По предъявлению справки о получении «социалки» можно раз в неделю получить продукты. Их в основном дают магазины (добротные товары, у которых вид уже непроданный) и пекарни, которые торгуют только свежей выпечкой. Всё, что не было за день распродано, отдадут нуждающимся. А ещё детям из бедных семей здесь можно сделать подарок к Рождеству. В супермаркете дети вешают на ёлочку листочки-пожелания, посетители их снимают, делают покупку и отдают её администрации. А её представители уже разносят подарки по домам. Надо сказать, что желания у этих детей очень скромные. Кто-то хочет шапочку, кто-то - мягкую игрушку, куколку или машинку. Бедность есть везде. И очень много её вокруг нас, а не только в Африке, Румынии или ещё где бы то ни было.

США. Тамара МОСКАЛЁВА, писательница (Нью-Йорк):

- Понимайте сами, что есть правда, и кому надо увести народ подальше от собственных проблем. Естественно, как и в любом человеческом обществе, в США есть свои негативы. Противоборствующие партии выискивают-утрируют изъяны правления ставленников другой стороны. Это подстёгивает правящий режим к работе над недостатками. Экономическими в том числе. К слову сказать, здесь столько программ (!), десятками лет работающих на благо, что даже если захочешь помереть с голоду, тебе не дадут.

Отмечая это, я не хочу никого обольщать красотами «райской» американской жизни, ибо, как уже сказала, имеется множество проблем. Над их разрешением и трудятся соответствующие службы. Но уходят одни проблемы, возникают другие... Думаю, это нормально. Ну а, поскольку я корнями из России, с Урала - я люблю свой народ. Он - моё сердце. Может, и звучит пафосно, но это правда. Однако, и американцев уважаю за то, что здесь много продуманного, толкового. И это правда тоже.

Что ещё вам бы хотелось услышать от меня, рядовой американки с длинным русским языком? (Смеётся.) Можно, конечно, расписать в подробностях своё житьё-бытьё (в финансовом плане), но... этично ли?

Швейцария. Сотрудница крупной фирмы, пожелавшая представить (видимо, чтобы не спугнуть удачу) «анонимный источник» (Люцерн):

- У нас кризис никак не проявляется. У нас экономика стабильная и консервативная. Ну в банках некоторые сокращения, не очень большие. У нас на работе заморозка вакансий. И всё. У моих друзей, соседей и знакомых тоже всё замечательно.

Интересно, а как на Кавказе многострадальном обстоят дела? «У нас проявленный кризис практически нет, по крайней мере, среднего класса он не коснулся», - рассказывает Дарья АНТИПОВА, старший преподаватель филологического факультета ДГУ (Дагестан, Махачкала). - Может, кто-то из более состоятельных людей и пострадал в чём-то, но остальные ничего, кроме скачков стоимости валюты, не ощущают. А безработица, она у нас всегда огромная. Так что кризис общей картины не изменил.

А что думают учёные на этот счёт? Комментирует Владимир БЕЛКИН, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН.

- Если посмотреть на статистические данные, то окажется, что по итогам девяти месяцев 2009 года среднеквартальный индекс реального ВВП США снизился всего на 0,9 процента. Это и есть объективная оценка степени снижения доходов в США, и это значит меньше, чем было во время нефтяного кризиса 1982 года (тогда было снижение реального ВВП на 2,2 процента). А сколько было паники и шума осенью прошлого года! Но в «тихой гавани», каковой тогда предладалось называть экономику России, реальный ВВП за 9 месяцев 2009 года рухнул на 9,9 процента. Соответственно этому снизились и доходы всех субъектов российской экономики. Вот уж, действительно, буря в тихой гавани!

...Мне нравится старая и не слишком добрая шутка. Социальный кризис - это когда всё труднее становится кормить тараканов, а мода на вашу повседневную одежду то уходит, то снова возвращается. Правда, с тараканами в последнее время беда. Точнее, радость для людей, конечно. Повеяли тараканы как-то разом. В аккурат вслед за лягушками, которых теперь в сезон не сыщешь в окрестностях Шершнёвского водохранилища. Китайцы всех квакушек слопали. Факт, между прочим, совершенно достоверный. К слову, один знакомый гурман признался, что от знаменитых французских нашин по вкусу практически ничем не отличаются. Маленькие только. Говорят, китайцы теперь к нашим воробьям присматриваются. Кстати, их реально меньше стало. Не замечали?

Знаете, как российские женщины борются с неминуемыми увольнениями? Они беременеют. 5000 работниц «АвтоВАЗа» одновременно ушли в декрет. Народ изобретателен, смекалка не дремлет. К счастью, до употребления в пищу картофельных очисток и многоразового заваривания одноразовых чайных пакетиков дело пока не дошло. Вот и директор магазина, что поблизости, свидетельствует: продажи остаются на прежнем уровне. Правда, почему-то, недоумевают, туалетной бумаги стали меньше брать... Но тсс-с! Здесь поручик Ржевский не пробегал? А-то ведь придёт и всё по традиции ополшит.

Итак, живи спокойно, страна! Америка заботится о своих бедных и ленивых, с едой там всё в порядке. А значит, и мы, как говорится, живы будем не помрём. Только это что же получается? Кризис по планете не шагает? Равно как и призрак коммунизма в своё время не слишком-то бродил по Европе, тупо застряв в отдельно взятой стране. А вот без газетных уток никуда. И плодятся они со страшной силой, и жизнь нам не кажется мёдом, и вновь продолжается бой... Однако сердцу всё-таки очень тревожно в груди, потому как по-прежнему везде хорошо, где нас нет. Но выше нос! Хотите, формулой счастья поделюсь? Счастье - это когда в числителе то, что мы имеем, а в знаменателе - наши желания. Идеальный вариант, когда результат деления равен единице. Получим ли мы когда-нибудь заветный кол?... Впрочем, у россиян и на этот счёт заготовлена очень хорошая пословица: поживём - увидим.

Татьяна СТРОГАНОВА

Вопрос эксперту

Рубрику ведёт Валерий Старовойтов

Вопрос: Можно ли в России обеспечить достойную старость?

Ответ: Насчет достойной старости не берусь отвечать, у каждого свое понимание достоинства, соответственно и неизбежной, но и достойной старости. В моем понимании достойной - значит не бедственной, как у многих стариков сейчас.

К сожалению, рыночная экономика любого государства, а соответственно и механизм оборота денег подвержен инфляции, т.е. их обесценивают, иными словами - «кровно заработанные» могут превратиться в «ничто», когда наступит момент получения первой трудовой пенсии, а затем процесс получения грошей станет мукой. Соответственно задача каждого из работающих сегодня задуматься, пока молод, независим и инициативен!

Анализ действующего пенсионного законодательства показывает, что в целом, принятые на федеральном уровне законы разрешают ваш вопрос о безбедной старости. В новой пенсионной системе важную роль стали играть добровольные пенсионные взносы работодателя в пользу своих работников и личные накопления граждан в негосударственных пенсионных фондах. Это реализуется с 1 января 2001 года через исполненные следующих законов: «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»; «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»; «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»; «О негосударственных пенсионных фондах».

Негосударственный пенсионный фонд (НПФ) - это некоммерческая финансовая организация, работающая по сберегательно-накопительной схеме, когда размер пенсии пропорционален накопленной сумме, либо по принципу фиксированной выплаты пенсии по достижению клиентом пенсионного возраста.

Например: если вам сейчас 25 лет, и вы только начинаете трудовую деятельность, специалисты пенсионного фонда могут рассчитать сумму ежемесячных отчислений в НПФ для того, чтобы с момента достижения пенсионного возраста вы смогли получить некую дополнительную пенсию. В среднем, 50 долларов США должен отчислять

вы в течение определенного промежутка времени с момента заключения договора с НПФ перечисляете ежемесячно некую приемлемую для вас сумму в пользу выбранного вами пенсионного фонда. Как только вы достигаете пенсионного возраста (при этом неважно - будете ли вы работать дальше или нет), НПФ начинает производить выплаты;

2) с установленным размером взносов. Солидарные с пожизненными выплатами. Отметим, что в этом случае отчислениями занимается не вы персонально, а ваш работодатель, заключивший договор с Фондом;

3) с установленным периодом взносов. Пенсионные выплаты производятся в течение установленного периода. Иными словами, ваши накопления плюс инвестиционный доход делятся на равное количество временных промежутков и в течение этого времени производятся выплаты;

4) с установленным размером взносов. Солидарные. Пенсионные выплаты производятся в течение установленного периода.

Схемы 1 и 3 применяются для индивидуальных пенсионных счетов, когда и вкладчики, и участниками фонда являются физические лица. Схемы 2 и 4 применяются в случае, если ваш работодатель несет солидарную ответственность с фондом за пенсионные выплаты.

Деятельность НПФ эффективна только в одном случае: если в любой момент времени резервы фонда превышают его обязательства перед вкладчиками и участниками.

Как выбрать НПФ?
Проблема выбора субъективна, а потому универсального ответа на этот вопрос не может дать никто. Вместе с тем, существуют общие рекомендации по выбору фонда.

Выбирая свой НПФ, помните, что речь идет об очень «длинных» инвестициях, поэтому надеждность НПФ может играть едва ли не самую заметную роль. Лично я читаю правила фонда. Здесь все должно быть предельно конкретно и прозрачно - как собираются деньги, как они инвестируются, как выплачивается негосударственная пенсия.

Обязательно поинтересуйтесь лицензией фонда. Если нет лицензии - в этом фонде решительно нечего делать! Важно знать, кто учредитель фонда, одно дело известная на весь мир компания, допустим Газпром, Сбербанк или Норильский никель, а другое дело начинающая

бизнес предприятие, но создавшее фонд, хотя и по всем правилам - согласитесь!

Узнайте историю фонда. Как фонд пережил кризисы 90-х годов. Многие аналитики отмечают, что успешность любого финансово-инвестиционного института в 90-е годы и «жизнь после кризиса» могут быть одной из лучших рекомендаций.

Политика выкупных сумм. Иными словами, вам нужен четкий ответ на вопрос, сколько денег фонд возвращает до окончания действия договора или до момента наступления пенсионного возраста, когда должны начаться выплаты.

Посмотрите на доходность фонда свыше 50 процентов - пирамида, 1 процент - нереально мало, доход на уровне инфляции или выше - вполне приемлемо т.е от 17% до 35%.

Далее: вас должна интересовать инвестиционная политика. Иными словами, каков у данного негосударственного фонда инвестиционный портфель, есть ли опыт реальных выплат негосударственных пенсий.

Все эти вопросы запишите для менеджера фонда. В случае, если хотя бы на 60 процентов приведенных вопросов вам даны положительные ответы, вы нашли то, что искали.

Задумываясь о пенсии сегодня, Вы ничего не теряете, а только выигрываете. Во-первых, деньги, которые будут переводиться в некоммерческий фонд, будут находиться только на вашем персональном счете и приносить доход, всегда превышающий инфляцию, второе: они застрахованы, и третье: в любой момент можете вернуться к традиционной схеме, т.е. безболезненно перейти из НПФ, осуществляющий обязательное пенсионное страхование, в Пенсионный фонд РФ.

Последний шаг. Возьмите паспорт и страховое свидетельство государственного пенсионного страхования. Обратитесь к представителю выбранного вами негосударственного фонда в вашем регионе на основе рекомендаций, изложенных здесь. Заключите договор об обязательном пенсионном страховании и заполните заявление о переходе в НПФ. Фонд самостоятельно передаст в Пенсионный Фонд России Ваше заявление.

Хотите рассчитать дополнительную пенсию сами? Пожалуйста, к вашим услугам электронный калькулятор на сайте www.npf.notnik.ru

Валерий СТАРОВОЙТОВ

Школа имени

Любые совпадения имён – случайны и к реальным людям отношения не имеют.

Останемся вдвоём. На даче летом хорошо. Тепло. Ближе к полуночи тихо. Только кошка мурлычет на коленях.

Так никогда не было и не будет. Школа имени первой учительницы.

Моя школа – имени Беллы Зосимовны Щеголь.

Мы – первоклассники. Ей за шестьдесят. Совершенно белые волосы. Бывает именно такая, белая седина. Аккуратный пучок ниже затылка. На нём чёрные штрихи трёх шпилек. Серые в морщинках глаза и прямой чуть с горбинкой маленький нос, напоминающий пичужку в её фамилии. Одетая всегда в чёрную юбку и белоснежную блузку с дивной красотой кружевными воротником и манжетами. На блузке длинный ряд круглых матово-белых пуговиц. Зимой к этому добавлялся чёрный строгий жакет. Иногда по весне, на плечи в блузку набрасывался белый ажурный платок. Оренбургский, как я теперь знаю. Всего лишь раз за четыре года, что мы были вместе, она пришла вся в чёрном. В тот понедельник у нас не было ни арифметики, ни родной речи, ни чистописания. Белочка, а звали мы её именно так, рассказывала вместо этого о своём детстве и юности. Она призналась нам, несмышлёнышам, в очень сокровенном, в том, что вчера умер её любимый человек. Для нас тогда его имя звучало так странно – Фальк, и, может быть, потому запомнилось на долгие годы. Как и другое имя из этого дня – Шагал, вызвавшее у нас улыбку.

Мы очень любили нашу самую хорошую и самую добрую учительницу. И она любила нас и заботилась. Знала про нас всё. За десять минут до звонка с четвертого, последнего урока, отпускала Володю Туманяна: «Собирайся быстренько, бабушка ждёт тебя у входа. Не опоздай на музыку». «Ира Уточкина. Пересядь от окна, ты недавно после болезни, а сегодня ветер в нашу сторону». «Лурье, надень очки на урок. На перемену снимешь». «Незоров, я сейчас из Белочки превращусь в тигрицу, если ты не перестанешь отвлекать Марину Плимак».

Однажды весной, в конце третьей четверти второго класса, Белла Зосимовна повела нас после первого урока к себе в гости. Всех двадцать восемь мальчишек и девчонок. Идти было пять минут от школы. Жила она в коммунальной квартире в большой светлой комнате. Запомнилось много книг и фотографий на стенах в разных рамках. Пианино с белой накрахмаленной салфеткой на крышке. Рыжий абжур с бахромой над столом со скатертью, вышитой голубыми незабудками. Много сирени и тюльпанов в вазочках и банках по всей комнате. «Сейчас все будем пить чай с конфетами и тортом!» Чай пили по очереди. Чашек, даже с соседскими, на всех не хватало. Загадывали загадки, читали стихи, Туманян и Лурье играли на пианино. Пели песню про чибиса. Девчонки спрашивали Белочку, кто там на фотографиях в рамках. Она всех обнимала и каждому уделяла внимание. Был гам, и было хорошо. Накануне она отмечала день своего рождения.

Четыре года пролетели. Мы перешли в пятый. Со слезами уходили на каникулы и к новым, незнакомым учителям от нашей родной Белочки.

Убили её тем же летом. В сумочке было восемьдесят шесть рублей. Их поймали. Тех троих, что должны были в армию идти через день. Они нашу школу закончили. Их тоже учила Белла Зосимовна Щеголь, первая наша учительница, имя которой носит школа, стоящая в моей памяти...

Евгений ЕРАМОВ
г. Копенгаген (Дания)

Ольга Васильева

(Нидерланды, г. Маастрихт)

Те старые слова: «люблю тебя»
Уже немного значат для обоих.
Их мало, чтобы выразить любя,
Чем переполнены лишь двое...

Как описать томление души,
Волнение без причин
И смех сквозь слезы...
А счастье – без границ...

Любовь...О нет! Так просто!
Судьба моя,
Дыхание и свет,
И воздух, без которого
и жизни нет!

ХОЛОКОСТ – скорбное, страшное слово... В переводе с греческого: «сожжённый целиком». По задумке нацистов, Холокост являлся частью «окончательного решения» по изгнанию ими Европы от евреев и других «чуждых» групп. Жертвами Холокоста стало подавляющее число евреев и огромное количество представителей других меньшинств. Общий термин «ХОЛОКОСТ» во всех справочниках обозначает злодеяния, систематическое истребление наций и народов в самой Германии и на захваченных Гитлером территориях в 1933-45 гг. посредством массовых газовых камер и концентрационных лагерей («фабрик смерти»). 27 января (в день освобождения Освенцима) всё прогрессивное человечество отметило Международный день памяти жертв Холокоста, провозглашённый Генеральной Ассамблеей ООН. «Холокост будет всегда служить всем людям предостережением об опасностях, которые таят в себе ненависть, фанатизм, расизм и предрассудки», – подчеркивается в резолюции, принятой Генеральной ассамблеей. В разных странах нацисты создавали гетто – эти страшные «залы ожидания смерти», которые ликвидировали вместе с его обитателями.

Многие заключённые гетто и лагерей смерти вели дневники. Такой дневник («Тетрадь из сожжённого гетто») вела и маленькая узница Каунасского гетто – Тамара. Девочка записывала события каждого дня. – «Нас становится все меньше и меньше, пока совсем никого не останется». Тамара Лазерсон (Ростовской) посчастливилось выжить, но в гетто от рук фашистских палачей в числе значительной части невольников погибли её родители и брат – Рудольф (Рудик).

В Дни Памяти, читатель, помолчим минуту... Помолчим за души невинно убиенных... И вспомним... и помянем...

Тамара Ростовская

Израиль

Крик

Светлой памяти Рудика Л.

Ты для себя копал могилу...
Фашисты пьяные устали,
А ты, мальчишка, полон силы,
Но, Боже, руки как дрожали.

Копал ты долго, неумело
Ту землю, что любил когда-то,
И дрожь пронизывала тело,
И уходила вкось лопата.

О чем ты думал, мальчик бедный...

Зловеще каркали вороны,
В обойму всунули патроны,
И колокольный звон к обедне –
В тот день воскресный.
День последний.

Ты поседел, родной, в единый миг
И закричал пронзительно и дико ...
Потряс мне душу
твой предсмертный крик.
Но мир глухой...
Он не услышал крика.

У каждого есть свое имя -
Твердят мне в эфире упрямо,
Но стали они безымянны -
Отцы наши, дети и мамы,
Безвинно убитые в ямах.

И было им общее имя,
Что общей судьбе подлежит.
То имя извечно над ними
Звучало проклятием - жид!

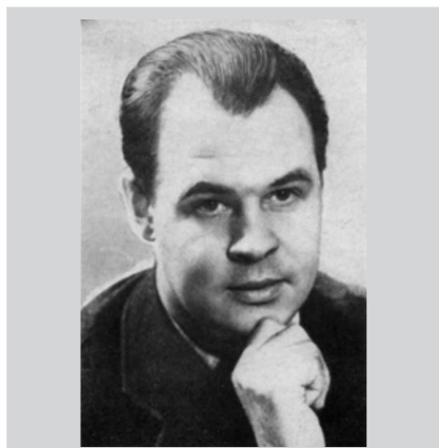
Земля там донныне дрожит,
Земля не приносит плодов.
И камень надгробный лежит
Без дат, без имен и следов.

Осколок Освенцима

Отшумела давно Мировая,
Но в Освенциме пахнет золой.
Я вернулась из ада... Живая!
Избежала я участи злой.

При последней воздушной атаке
Меня ранил осколок слепой.
Я валялась в холодном бараке
И отважно боролась с бедой...

Уж полвека, как память ночами
Мою душу и колет, и жжет.
И осколок болезненным шрамом
В старом сердце упрямо живет.

Тайсто Карлович Сумманен
1931-1988 (Taisto Summanen)

Крупнейший поэт-лирик Карелии. Писал по-фински. Значительная часть поэтического творчества переведена на русский язык. Родился в Ленинграде, в семье участника финской рабочей революции. В 1933 году семья переселилась в Петрозаводск. В 1954 году Т. Сумманен закончил финно-угорское отделение филологического факультета ПетрГУ. Первая книга стихов Т. Сумманена появилась в 1956 году, вскоре он становится одним из ведущих поэтов-лириков Карелии, его стихи издаются в Москве, за рубежом. Ему принадлежит около 30 поэтических книг, опубликованных на финском языке и в переводах на русский, среди них «Простые слова» (1968), «Красный мост» (1975), «Человеческое сердце» (1980), «Дерево песен» (1988). Природа для Сумманена – это прежде всего эстетический идеал, встреча с которым всегда радостна и целительна. Почти в каждом сборнике встречаются стихи о военном лихолетье. Война в них изображается с точки зрения тех, кто был в тылу, так как автор оттапливался прежде всего от своих детских воспоминаний. Одна из сквозных тем творчества Сумманена – преемственность идей и поколений. Еще одна важная тема – родного языка, родного слова. Многие стихи положены на музыку композиторами Финляндии и Карелии. Лауреат государственной премии Карелии им. Архипа Перттунена. Заслуженный деятель культуры РСФСР.

Рождение дня

Озерко затрепетало,
рябью тронулось оно.
Или то звезда упала
на его глухое дно?

И от той звезды падучей
в черном чреве водяном
сохранился малый лучик,
чтобы стать грядущим днем.

Он кувшинкой рос упрямо,
пробивая донный ил,
над водою встал озерной
и ее озолотил.

А потом по елке синей
вверх взлетев,
в обычный час
закачался на вершине,
улыбаясь и лучась.

Перевод Т. Стрешневой

В сердце тихо, как в роще...

В сердце тихо, как в роще,
Где опала листва.
И на ветер не рошщут,
Задремав, дерева.

Лишь цветок, полный муки,
Так и тянется к вам,
Точно губы к губам
В поцелуе разлуки.

Легким думам не тесно —
Разбрелись в голове,
Как тропинки по лесу,
По шуршащей листве.

И, синие холмами,
Даль меж сосен сквозит.
И твоими глазами
Осень в душу глядит.

Материал подготовлен Центральной
библиотекой г. Костомукши.

На смерть Рустема Кутуя

7 января 2010 года этот мир покинул замечательный поэт, писатель и переводчик, заслуженный работник культуры РТ, лауреат нескольких литературных премий Рустем Адельшевич Кутуй.

Уходя в вечность, великий мастер слова оставил потомкам свои прекрасные работы. Рустем Кутуй – истинный сын татарского народа. Его любовь к земле, людям Татарстана явственно проявляется в его творчестве. Отдельной строкой надо отметить особенное, тёплое отношение мастера слова к городу Казани. Кутуй был большим приверженцем русского языка. Своими произведениями он пропагандировал русскую словесность, чем прививал (прививает) читателям любовь к русскому языку, объединяя татарский и русский народы.

Мы приносим глубокие соболезнования родным и близким Рустема Адельшевича. Выражаем уверенность, что все народы нашей Родины, как и народ Татарстана, всегда будут чтить память о Рустеме Кутуе – одном из выдающихся сынов нашей земли.

Рустем Кутуй

Радость

Я полон стихами
Я радуюсь свету,
Упругому камню
И крепкому ветру;
Что бьется платок
И девчонка смеется,
Что много дорог
Под ногами прольется.
Совьется в клубок
У березовой роши.
Я нынче как Бог.
Босоног,
И на ощупь
По солнцу иду,
Запеваю как птица.
Лявлю на лету
Целый мир
И в капле ресницы
По капле вбираю –
И весь он во мне.
Я – чаша до края.
Я весь в глубине.
Я травы сплетаю
В поля и дуга,
Я в небо взлетаю,
Плыву в облаках
К березовой роще
По солнцу на ощупь,
Где бьется платок
И девчонка смеется.
Где нету дорог –
Только небо и солнце.

Видеть душу

В прошлом году произошло печальное событие: умер поэт Константин Гребзде. В связи с этим, мы просим всех, кто знал Константина, помянуть его добрым словом. Этот человек много сделал для развития культуры в нашем городе. Находясь в тяжелом состоянии, он отошел от публичной жизни и в одиночку пытался справиться со своим положением. В этот период Константин много писал. Его работы были опубликованы в альманахе «Стихи». Публиковался он и в нашем издательстве. Жизненный надлом поэта сказался на его здоровье и самочувствии... Тяжело. И как хочется, чтобы все мы, люди, за внешностью человека, с которым общаемся, смогли бы разглядеть его душу, часто ранимую и добрую... Именно такая душа и была у Константина. Прощай, поэт! И... прости...

Константин Гребзде

Вы уходите вдаль от порога,
Отгорая последней звездой.
Вас осталось совсем уж немного –
Ветеранов Второй Мировой.
На погостах горят эти звезды,
Где нашли вы последний покой,
Где военные кончились вёрсты
Ветеранов Второй Мировой.
Нам с тобой жизнь другая досталась,
Чтобы жили мы с верой святой,
Чтобы память навеки осталась
Ветеранов Второй Мировой.
Чтобы помнили, кем они были,
Те, кто жизни отдал с головой,
И цветы на могилы носили
Ветеранов Второй Мировой.
Будут зимы и летние грозы,
Но всегда в этот праздник весной
Напоят своим соком березы
Ветеранов Второй Мировой!